

Роман Злотников
Игорь Гринчевский

АМЕРИКАНЕЦ

Путь на Север

Игорь Леонидович Гринчевский
Роман Валерьевич Злотников
Американец. Путь на Север
Серия «Американец», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11946725

Американец. Путь на Север / Роман Злотников: Э; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-81082-6

Аннотация

Российская империя, год 2013. Во время празднования 400-летия Дома Романовых в руки наследника могущественного рода Воронцовых Алексея попадает тетрадь с мемуарами его прапрадеда, знаменитого Американца. Оказывается, тот был выходцем из иной исторической реальности и сумел пройти сквозь время...

...Итак, конец XIX века. «Попаданец» Юрий Воронцов неплохо устроился в альтернативно-исторической Америке времен безудержного накопления капитала, но вынужден срочно покинуть эту страну. Судьба забрасывает его в эпицентр борьбы за независимость Крита, после чего Воронцова объявляют в розыск представители всех Великих держав, кроме России, где он и находит приют. Но Юрий не из тех, кто станет просто сидеть без дела. Он собирает команду преданных ему людей

и предпринимает новую попытку преуспеть в делах. На этот раз интересы бизнеса зовут его на русский Север...

Содержание

Часть 1

6

Конец ознакомительного фрагмента.

105

**Роман Злотников,
Игорь Гринчевский
Американец. Путь на Север**

© Злотников Р., Гринчевский И., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Часть 1

«Гремевшие в истории державы»¹

Санкт-Петербург, 22 июня 2013 года, суббота, утро

Проснулся Алексей сам, без сигнала будильника, и некоторое время, глядя на залитый ярким солнечным светом паркет, гадал, что же приключилось. Версий было две: либо он все же забыл вчера поставить будильник, либо спал так крепко, что безбожно его игнорировал.

«В любом случае краснеть перед дедом придется! – успел уныло подумать он. – Да почему ж я все порчу-то! И накануне почему-то ухитрился с Леночкой поссориться! И где? На праздновании четырехсотлетия династии Романовых, чуть ли не в присутствии самого императора! А ведь хотел романтический ужин при свечах устроить... И нашел, из-за чего скандал устраивать, придурок! Про предков его она не так сказала, видите ли!»

«Так, а который все же час?» – подумал он и обвел взглядом спальню. Искать пришлось тщательно, спальня была не его, а дедова. Как и вся квартира, впрочем. Именно здесь он вчера и планировал устроить романтический ужин.

¹ Название главы, как и остальных глав данной книги – это часть литературного перевода надписи на статуе Свободы. Надпись сделана по сонету Эммы Лазарус «Новый колосс».

А где ж еще? Квартира деда располагалась на Миллионной, и идти от Зимнего было буквально два шага!

Сюда же он и приплелся после окончательного, как ему казалось, разрыва с Леночкой. Жизнь выглядела лишенной всякого смысла, и он позвонил деду. Тот всегда был для Алексея несокрушимой скалой, опорой мироздания, командам которого послушна сама реальность. И дед не подвел ожиданий внука. Примчался, выслушал, велел не раскисать, а, напротив, быть готовым завтра идти на штурм. Просить у любимой прощения раз за разом, пока не простит. А главное – планировать разговор, вести его самому, а не оставлять на волю случая. А потом снова восхищаться Леночкой и снова просить прощения.

Дав такой наказ, дед собрался уходить по своим делам, но вдруг напоследок, немного помявшись, извлек из потайного сейфа невзрачную и потрепанную общую тетрадь. И велел внуку почитать перед встречей. Мол, родом гордишься? С любимой из-за этого поругался? Ну, так вот тебе мемуары твоего прапрадеда, основателя рода Воронцовых, легендарного Американца. Читай и знай, чем роду реально гордиться стоит, а что так, мелочь неважная...

Уже в дверях дед снова повторил, что мемуары подлинные, он сам давно, еще в детстве, в самой середине сороковых, лично видел, как Американец в этой тетрадке писал. Только вот читать эту тетрадку положено лишь членам рода. Да и то – не всем.

И ушел, напутствовав: читай, мол, Леша, да не засиживайся!

Алексей так и сделал. И удивился, потому что мемуары прапрадед отчего-то писал в виде какого-то фантастического романа. Мол, он пришелец из альтернативной реальности. Так и начал: «Зовут меня Юрий Воронцов, и хотя я известен как автор нескольких фантастических рассказов, то, что я пишу дальше, самая что ни на есть чистая правда. Родился я в 1976 году...»

Дальше книга повествовала о юности Американца, якобы прошедшей в вымышленном мире альтернативной реальности. Как он рос, как изучал химию и энергетику, как влюблялся и разочаровывался. Как постепенно стал настоящим «фанатом» всего американского – от учебников и фильмов, до образа жизни. И как, приехав в Америку по делам, перенеся в результате какого-то природного катаклизма из Нью-Йорка 2001 года в Нью-Йорк года 1895-го.

А затем начиналось, судя по всему, описание реальной биографии Американца, хоть и с деталями, мало кому известными. Пропускной пункт на острове Эллис, больше напоминающий современнику концлагерь, получение гражданства, быт нищего эмигранта, занимающегося электрификацией железной дороги Балтимор – Огайо, влюбленность в Мэри Мэйсон, дочку владельца строительного треста, и демонстрация своих умений руководству компании. В результате – пост помощника Ганса Манхарта, главного инженера

ра строительства, и трудный путь навверх... И крах, полный крах «буквально в пяти минутах от успеха».

Фредди Морган, соискатель руки Мэри и ее дальний родственник, не только устроил пожар, в котором погибло изобретение Американца и его друг Виктор Суворов, но и сумел присвоить изобретение Американца. Мало этого, он убедил окружающих, что это Воронцов – подлец, пытавшийся присвоить изобретение Фредди. Все отвернулись от Юрия, родня Мэри отказала ему от дома, а сама девушка обручилась с Морганом.

Шок был убийственным, но, будто этого мало, Том О'Брайен, лидер банды громил-ирландцев, которому поручили выставить Воронцова из города, намяв ему напоследок бока, самочинно решил «немного расширить задание» и попытался повесить Американца, выдав это за самоубийство.

Предок сумел вырваться от них, но принял решение научиться навыкам самообороны. В Нью-Йорке, «столице эмигрантов», он начал новую жизнь. Вместе с аптекарем Тедом Джонсоном он создал партнерство, запатентовавшее и производящее стрептоцид и мази на его основе.

Вернее, не только производящее, но и всю применяющее по всему городу. В их бизнес были вовлечены представители всех беднейших кварталов многонационального Нью-Йорка – негры, китайцы, евреи и многие другие. Американец нашел себе новую любовь, а со старым китайцем Фань Вэем почти подружился.

Параллельно, исполняя данное себе самому обещание, он учился стрелять. Тут ему невероятно повезло, его учителем оказался ганфайтер Генри Хамбл, один из лучших, наверное, стрелков того времени.

Все это было изложено так захватывающе, что Алексей читал до четырех часов утра, практически не отрываясь. События, описанные в тетради, заканчивались на том, что Фредди Морган, испугавшись того, как замечательно Воронцов выучился стрелять, заподозрил его в попытках отомстить. И, пытаясь упредить, снова натравил на него ирландских громил. Однако Воронцов и Генри Хамбл при неожиданной поддержке Фань Вэя и еще нескольких бойцов-китайцев сумели уцелеть. Впоследствии, поскольку полиция обвинила в побоище именно их, Юрию и Генри пришлось податься в бега. Генри отправился куда-то на запад континента, а Воронцов был вынужден тайно покинуть страну своей мечты.

Суденьшко, на котором он плыл, направлялось на Крит, поэтому его партнер Тэд Джонсон напоследок попросил Юрия заодно поискать на Крите Сарочку, сестру его жены Розы².

Да, чтиво было увлекательное, вот только дед велел не зачитываться, чтобы Леночку с самого утра искать. А Алексей так зачитался, что, похоже, будильника не услышал.

² Обстоятельства ссоры Алексея с девушкой и содержание мемуаров предка изложены в первой книге серии «Американец».

В этот момент безуспешно разыскиваемый им будильник, поставленный на половину десятого утра, весело затрещал. Оказывается, Алексей проснулся раньше времени!

Мимоходом подивившись чувству бодрости после неполных шести часов сна, Алексей вскочил и приступил к выполнению заветов деда. Завтрак, гигиена и сборы – все уложилось в полчаса. До Университетской набережной, где располагался филфак, идти было недалеко, так что такси Алексей решил не заказывать. А вот букет приобрел. Вдохновленный романом Американца, он купил в цветочном на углу огромный букет белых роз. Только не семнадцать, разумеется, а девятнадцать – по возрасту Леночки. И потом поспешил, улыбаясь понимающе-завистливым взглядам прохожих. Он вдруг поверил, что «все будет хорошо».

К одиннадцати он, полюбовавшись через реку видом Исакиевского собора, нырнул во внутренний дворик филфака³. Теперь оставалось только ждать. Экзамен у Леночки начался в десять, входила она в числе первых, но без подготовки никогда не отвечала. Поэтому она должна была довольно скоро выйти сюда. Посидеть во дворике после экзамена было ее ритуалом. Если сдавала на «отлично», то она брала себе в автомате эспрессо и пломбир, если на «хорошо» – кофе по-ирландски и круассан, а на «удовлетворительно» она

³ Авторы в курсе, что в нашем мире просто так во двор Санкт-Петербургского университета не проникнешь. Но в альтернативной реальности мир более спокоен, и вход на территорию охраняется менее сурово.

пока ни разу не сдавала. Так что и приметы не выработала. «И не собираюсь!» – весело говорила она по этому поводу.

Алексей улыбнулся... Сейчас он совершенно не понимал себя «вчерашнего». Нет, ну было бы из-за чего скандал устраивать!

Тут из двери появилась Леночка. Без ничего. Понурая... Подошла к «своей» скамеечке, не глядя по сторонам, присела... Раскрыла сумочку. Достала початую пачку сигарет и зажигалку. Что?! Она ж не курит! Ну... То есть не курила... Раньше...

Лена тем временем с третьей попытки прикурила, потом затянулась и закашлялась. Алексею безумно захотелось уйти отсюда. Он был зол на весь мир! На себя, что довел свою девушку до такого. На Лену, что она вдруг стала курить. На этот ненужный теперь букет... В порыве гнева он чуть было не выбросил букет в урну!

И тут вдруг явственно услышал дедово вчерашнее: «... Завтра ты с букетом должен к ней поехать да прощение вымаливать, ясно?» – и следом – свое беспомощное: «А вдруг?..»

И уже сам себе твердо ответил словами деда: «А чтобы не было этого «вдруг», ты ошибку сегодняшнюю повторять не должен. Будь готов ко всему. И в первую очередь – признавать неправоту свою да ею восхищаться! Понял?»

И решительно двинулся к своей, да, точно, совершенно точно, именно своей девушке. Ему оставалось шага четыре,

когда она вдруг заметила его. Но не обрадовалась, а зло, по-черному, усмехнулась.

Алексей быстро сделал пару широких шагов и неожиданно опустился на колени.

– Леночка, ты прости меня, дурака! – попросил он. – Я полночи не спал, а понял, что ты для меня в этой жизни – все. Не смогу я без тебя!

Тут он неловко замолк. А потом, будто толкнули изнутри, торопливо, не давая ей ответить, продолжил:

– И вообще! Выходи лучше за меня замуж, а?

Санкт-Петербург, 22 июня 2013 года, суббота, день

Потом все было хорошо. Не красиво, как в романах, но хорошо. Они прогулялись по набережной до дворца Меншикова, в очередной раз подивились окнам с «лунным стеклом»⁴ и двинулись обратно, потом по мосту перешли Неву и сели обедать в каком-то небольшом, но уютном ресторанчике на Невском. Все это время болтали обо всем и ни о чем.

С самого момента ссоры Лена то думала в панике: «Ой, дура я, дура, что ж я натворила, я ж без него не смогу!», – то злилась на него, что он ее, так сильно его любящую, променял на какую-то дутую славу предков. «За них заел-

⁴ Придуманый в XIV веке способ изготовления оконного стекла. Особенностью была неровность и мутность стекла, но других технологий во времена Меншикова не знали. В результате эти окна, для нашего времени крошечные и мутные, во времена строительства были вызывающей роскошью именно в силу своей «огромности» и, соответственно, огромной цены.

ся, а на нее плевать!» В этот момент ей овладевала черная злоба, а потом оставалась просто чернота, и все начиналось по кругу...

Теперь же, под влиянием его внимания, его готовности признать свои ошибки и принять ее... И, главное, после его предложения она начала успокаиваться, эти «качели» настроения отпускали ее.

В какой-то момент она вдруг серьезно посмотрела ему в глаза и сказала:

– А знаешь... Я ведь только сейчас сообразила, что наши дети тоже будут Воронцовыми. И я хотела бы, чтобы они тоже гордились своим родом.

Пользуясь тем, что сидели отдельно и никто не мог их видеть, они поцеловались. Потом еще раз. Третий поцелуй затянулся надолго... Алексей уже даже начал прикидывать, где тут искать такси и куда ехать, к деду или к себе, но Леночка вдруг решительно высвободилась из его объятий.

– Знаешь, милый, – сказала она, – мои родители ужасно старомодны. И о том, что их единственная дочурка собралась замуж, они должны узнать от тебя. Так что правильно будет, чтобы ты пришел и попросил моей руки. А если мы тут еще немного засидимся, то кончится тем, что мне придется звонить им с мобильного и рассказывать, что я осталась ночевать неизвестно где...

– Не неизвестно где, а у меня! – попробовал возразить Алексей. И продолжил с надеждой. – И почему «ночевать»?

Вечер еще только начался...

Леночка остановила его поцелуем.

– Какой же ты у меня глупый! – сказала она и засмеялась. – Во-первых, если я пойду к тебе, мы не заметим, как ночь начнется. А во-вторых, надо же мне как-то намекнуть им, что стоит приготовить все для парадного обеда. Иначе, милый, твоя теща потом долго на тебя будет дуться!

Впрочем, разошлись они все равно часа через полтора.

Санкт-Петербург, 22 июня 2013 года, суббота, день

Вечером, рассказывая про все деду, Алексей криво улыбнулся:

– В романах да фильмах после такого либо на шею вешаются, либо целуются, либо посылают в сердцах... А она знаешь что сделала? Она встала, сигарету выкинула, а потом и говорит:

– Посмотрим еще! На твое поведение...

И пошла себе... А я – за ней. С букетом этим... Иду и не знаю, что сказать... От растерянности и ляпнул, мол, что, «курить ты на двойки будешь?»

– А она?

– А что она? Засмеялась... «Не угадал! – говорит. – Пятёрка у меня... Просто кофе не хотелось...» И снова засмеялась... А потом и говорит, мол, раз предложение сделал, то веди в ресторан. И мы пошли... Потом уж разговорились... Нет, ну надо же! Мечтал предложение возле Зимне-

го сделать, торжественно и красиво! А получилось – наспех, на бегу, на какой-то скамеечке.

Дед улыбнулся.

– Похоже, у Воронцовых это семейная традиция. Я вот предложение в лаборатории сделал. Посреди эксперимента. И бабушка твоя колбу с какой-то вонючей дрянью расколо-тила. А Американец – тот и вовсе на пепелище в жены по-звал. И вообще, раз все у тебя наладилось, то давай, выме-тайся к себе! Нечего деда из его квартиры выживать!

Алексей засобирался. А потом, вдруг вспомнив, подошел к письменному столу, достал тетрадь, исписанную Амери-канцем, протянул деду и спросил:

– Деда, а продолжение дашь почитать? Ну, где про то, как Американец предложение делал?

Санкт-Петербург, 22 июня 2013 года, суббота, вечер

Выйдя от деда, Алексей неожиданно ощутил, что не прочь перекусить. Странно, если учесть, что он всего часа полтора назад покинул ресторан. Впрочем, там он больше пил и го-ворил, чем ел. Да и гуляли они немало. Опять же – от нервов аппетит усиливается.

Ничего, это не проблема, чем-чем, а всяческими местами, где можно вкусно перекусить, столица просто битком наби-та. Вот хоть сразу по выходе из дома. Напротив, прямо воз-ле «Бани семьи Фань» – китайский ресторанчик «Дядюшка Джиань». А через подъезд от него – чудный армянский ре-

сторанчик «У Карена»⁵.

«Ну, и где перекусим?» – спросил сам себя Алексей, нерешительно переводя взгляд... Такая нерешительность вообще-то была ему несвойственна. Но сегодня он с полминуты не мог решить, чего ему хочется больше.

В конце концов остановил выбор на китайцах. Заодно, улыбнувшись, подумал, что с выбором имен героев предок себя не затруднял. И фамилию китайца взял с вывески напротив, и имя его внука.

«Небось и Карен вскоре всплывет!» – с улыбкой подумал он, сделав заказ и открывая рукопись Американца.

Нью-Йорк, 5 сентября, суббота, вечер

– С капитаном Костадисом все договорено, Юрий, так что ты не волнуйся.

– Да я и не волнуюсь, Тед, – ответил я совершенно искренне. Как ни странно, я действительно ни капли не волновался. – Просто хочу понять, что именно «все» договорено.

От этого простого вопроса Джонсон внезапно замялся.

– Ну же, Тед, расскажи мне! И не смущайся, это я создал проблемы, а не ты. – Тут я прервался, чтобы посмотреть на бумажку с надписью «разыскиваются» с изображениями меня и Генри Хамбла. – А ты только помогаешь мне их решить. И никто не виноват, если я поеду не первым классом.

⁵ В этом доме на Миллионной улице и в нашей реальности расположены кафе и салон красоты.

Так что давай, рассказывай!

– Понимаешь, капитан Костадис – он патриот Греции... – начал Тед и снова умолк. Похоже, что-то сильно смущало его законопослушную душу.

– Он патриот и?..

– Он тут ходил по разным грекам-эмигрантам и собирал деньги на помощь Криту. Я сначала не хотел, сам знаешь, своих я вывез, да и с деньгами не очень... Но потом... В общем, я подкинул ему четыре сотни, а заодно и попросил, чтобы тебя вывезли, раз он все равно оружие на Крит повезет...

– Подожди, так он что, «помощь» в виде оружия везет?

– Там сейчас резня началась. А население вооружено плохо. Что-то везут из Греции, но у них у самих проблемы... И капитан Костадис решил помочь. На свои деньги часть оружия закупил и у греков здешних еще насобирали...

– Ну и что дальше? – терпеливо спросил я.

– Но легально он его в груз вписывать не хочет, сам знаешь, эти «Великие Державы Европы» блокаду Крита организовали. Поэтому оружие вывезут на яхте, а в море перегрузят на пароход Костадиса. А возле Крита – наоборот. На лодки скинут и перевезут на берег. Вот и тебя с ним. Капитан настаивает, чтобы ты будто бы «зайцем» на пароход пробрался. А он тебя обнаружит. Ну, для экипажа «обнаружит». И будешь ты кочегаром весь путь отрабатывать! – снова поник Тед.

– Ну и что? – попытался утешить его я. – Кочегаром быть

мне как-то приходилось уже. Правда, на паровозе, и всего пару дней...

– Вот! А тут почти месяц. Непросто это, Юра! – И Тед снова поник.

– Ничего, справлюсь!

И тут я засмеялся.

– Что смешного?

– Я подумал, что кочегарами обычно ставят только пассажиров четвертого класса. А четыреста долларов за такой билет дороговато. Наверное, мы поставим рекорд переплаты!

Тед засмеялся вместе со мной. Отсмеявшись, Тед робко продолжил:

– Юра, я все понимаю, тебе сейчас не до того... но если ты поищешь на Крите Сарочку⁶, мы с Розой будем тебе по гроб жизни благодарны.

– Хорошо, а где искать-то? И кто ее жених, к которому она рвалась?

– Про жениха вообще никто ничего не знает. Не говорила она никому. Но жить он может только в Ханье. И найти Сарочку будет просто. Она в синагогу каждую субботу ходит. Город не очень большой, синагога там одна. Сара очень похожа на Розочку, только на пятнадцать лет моложе, так что узнать ее для тебя не должно быть сложно.

– Это, Тед, если там войны не будет. А сам говоришь, рез-

⁶ Младшая сестра жены Теда. В первой книге упоминалось, что она осталась на Крите, чтобы не расставаться с женихом.

ня уже несколько раз начиналась. Пока плывем, всякое может случиться.

– Если там будет война, резня или просто усиленная блокада побережья флотами «держав», Костадис к Криту не пойдет. На этот случай у него другой вариант. Он оружие на небольшой островок сгрузит, в тайник контрабандистов. А сам пойдет, как по документам значится, в Стамбул. Так что или все будет нормально, и тогда найти Сарочку будет нетрудно, или тебя высадят в Стамбуле, и делай, что пожелаешь. Ну и пиши мне иногда. Я буду держать тебя в курсе, как дела. И сообщу, когда можно будет возвращаться.

– Напишу, разумеется! – улыбнулся я. – Мы с Фань Вэем оговорили способы. Ты извини, но меня все же полиция разыскивает... Да и семейка Мэйсон никак в покое не оставит... А за китайцами никто следить не станет. Поэтому весточки тебе я через них передавать стану. Через них же сможешь и отвечать. Согласен?

Тед уныло кивнул.

– И не грусти так, партнер! Может, и к лучшему для нас, что я отлучусь. Мы с тобой в рутину погрузились, ни на что больше времени не оставалось. А я вот пару дней тихо посидел, почитал газетки, и пришла мне в голову потрясающая идея! – утешил его я. И повторил, растягивая гласные: – Просто потря-я-а-са-а-ю-ющая!

Тед заинтересованно поднял голову.

– Пока ничего говорить не буду. Обдумать надо. Найти

местечко потише, оборудовать лабораторию, поэкспериментировать... А потом уже и запускать! И выше голову, партнер! Мы с тобой еще будем миллионерами, вот увидишь!

Неподалеку от Балтимора, 5 сентября, суббота

Внимательный наблюдатель, окажись он на этой свадьбе, непременно отметил бы обилие полиции на подступах и вооруженных людей внутри. Удивила бы его и некоторая нервозность жениха и ближайших родственников брачующихся.

Впрочем, это совершенно не сказалось ни на длительности свадьбы, ни на ее пышности. Торжественная церковная церемония, прием подарков и поздравлений, потом – небольшое, человек на двести угощение, куда приглашены избранные, и большое застолье для остальных – на главной площади. Пригласили даже некоторых десятников со стройки.

Впрочем, один их десятников был приглашен и в святая святых – в кабинет Элайи. Не то чтобы Трою Мерфи не случалось там бывать прежде. Нет, такое событие случалось уже дважды. Но сейчас его впервые позвали для выволочки.

– Трой, мне всегда казалось, что Компания может положиться на тебя, – ровным голосом выговаривал Элайя.

– Вам правильно казалось, сэр! – глухо подтвердил Трой.

– Тогда почему, почему, скажи мне, Том уже второй раз делает совсем не то, что ему приказали? Почему он прямо нарушает инструкции? Какого дьявола он устроил пе-

рестрелку с этим Воронцовым прямо в центре Нью-Йорка? Ты знаешь, что мистеру Моргану теперь придется ехать на суд в Нью-Йорк, чтобы судья устанавливал меру его причастности к учиненному Томом погрому?!

– Мы очень расстроены, Трой! Твои подчиненные не исполняют приказов! – присоединился к выволочке дядюшка Билл. Помолчав, он веско добавил: – Встает вопрос, а за что Компания платит им деньги. И не только им. Ты понимаешь, Трой?

Трой молчал. Нет, ему было что сказать. Например, что именно особое отношение со стороны обоих Мэйсонов позволило Тому О’Брайену ослабить контроль. И что конфликт с этим Воронцовым не начался бы, если б они не предпочли закрыть глаза на то, что Фредди Морган, их молодой родственник, не только обокрал Воронцова, присвоив его изобретение, но и устроил пожар, в котором погиб друг этого русского. И что задания Тому они давали без участия Троя, поэтому он не может знать, нарушал ли Том приказы или делал что приказано, просто не справился.

Вот только сказать такое означало вылететь с работы. Поэтому сказал Мерфи совсем другое:

– Я так понимаю, сэр, сейчас важно, чтобы Том не вредил дальше. И давал правильные показания в полиции и в суде, не вздумав оклеветать достойных людей, верно?

Нью-Йорк, Манхэттен, 8 сентября, вторник, позднее

утро

– Джентльмены! – С этими словами мистер Стоунбридж, владелец адвокатской конторы «Стоунбридж и партнеры», далеко не самой мелкой на Манхэттене, со значением оглядел присутствующих.

Тед Джонсон, лишь недавно ставший его клиентом, явно чувствовал себя не в своей тарелке. Хотя бизнес Теда существенно развился за полгода и ему все чаще выпадало выступать в роли босса, он еще не умел вести себя в соответствии с требованиями нового уровня. Проглядывал в нем недавний типичный представитель лоу-миддл класса. И ему явно было не слишком удобно в этой комнате, с ее мебелью из красного дерева, широкими окнами и обилием позолоты.

Впрочем, еще больше Теда подавляла тройца, сидевшая по другую сторону стола. Вот те ничуть не стеснялись и имели вид настоящих хозяев жизни, миллионеров, за руку здоровающихся с президентами и губернаторами.

«Впрочем, – подумал про себя Стоунбридж, – все мы мастера делать крутой вид!»

К примеру, глядя на самого адвоката, можно было подумать, что в его контору миллионеры стоят длинными очередями. Так, пауза выдержана, внимание привлечено, надо продолжать.

– Джентльмены, позвольте представить вас друг другу. Мистер Джонсон, напротив вас – мистер Элайя Мэйсон. Несомненно, вы слышали о нем немало лестного от своего

компаньона.

При этих словах Тед, который не так уж и много слышал о Мэйсонах, а лестного среди услышанного и вовсе не заметил, тем не менее кивнул.

– По правую руку от него – его дядя Уильям Мэйсон, исполняющий в семейной корпорации обязанности заместителя директора. Слева – Фред Морган, их молодой родственник.

При всем старании Тед не смог выдавить из себя привычное «рад знакомству». Во-первых, не его поля это были ягоды. А во-вторых, он был совсем не рад. Если бы ту сумятицу, что царила в его душе, выразить словами, получился бы микс из «Ну что ж вам дома-то не сиделось?» и «Проваливайте в ад, уроды, всем нам жизнь испортили!»

Однако сказать такое не позволяло ни воспитание, ни осторожность. Поэтому он просто привстал со стула, коротко и неловко поклонился, после чего поспешно плюхнулся обратно. Адвокат, дождавшись, пока он, поерзав в кресле, снова поднимет глаза, продолжил:

– Мистер Джонсон, эти джентльмены прибыли, чтобы разрешить недоразумение, случившееся с вашим недавним компаньоном. И заверяют, что ни они, ни их компания не имеют к этому решительно никакого отношения.

– Что?! – не удержавшись, выкрикнул Тед. – Недоразумение?! Не имеют отношения?! Да там половина задержанных работники их компании!

– Потерпите немного, и я все объясню!

Джонсон снова сник.

«Да, давить на него явно не стоит! – подумал про себя Стоунбридж. – Вот Генри Хамбл или китаец, те да, не спасовали бы на переговорах. И Воронцов этот, судя по всему, та еще штучка! Однако их присутствие здесь неуместно... Хм... Продолжать надо помягче...»

– Понимаете, Теодор, – мягко продолжил он, – к сожалению, имела место накладка. Как говорят у нас, эксцесс исполнителя. Мистер Мэйсон действительно заинтересовался делами вашего компаньона. И попросил пригласить его для беседы. Понимаете?

Тед коротко кивнул, чувствуя, что на самом деле он ничего не понимает.

– Его племянник, даже зная, где искать вашего компаньона, тем не менее не рискнул соваться в Бронкс. Очень криминальный район, знаете ли. Поэтому и попросил передать приглашение Тома О’Брайена. Однако тот тоже не решился идти в столь опасный район в одиночку и без оружия. Нет, я понимаю, вы здесь живете, но в Пенсильвании считают, что Бронкс довольно опасен для чужаков. Поэтому они пошли толпой и с оружием, правильно я излагаю, мистер Мэйсон?

Элайя Мэйсон в ответ согласно кивнул. Дядя Билл усмехнулся, ему явно понравилось изложение событий адвокатским языком. И даже молодой Морган кивнул, хотя его

и не спрашивали.

– Хорошо, допустим! – выдавил из себя Тед. – Но в стрельбе обвинили моего компаньона и его тренера, Генри Хамбла. Хотя они не делали этого! Получается, ваши люди все же напали на них, сэр? – обратился он к Элайе.

– Стоп-стоп-стоп! – громко прервал начинающуюся перепалку адвокат. – Я ведь просил проявить терпение и дать мне все объяснить!

Убедившись, что все снова слушают его, он откашлялся и продолжил своим звучным, хорошо поставленным и тренированным для длинных публичных речей голосом:

– Итак, как я говорил, случилась именно накладка. Если бы вы, Теодор, посетили участок вместе со мной, вы бы знали, что мистера Хамбла незадолго до событий допрашивала полиция. Его подозревали в другом убийстве.

– Я это и так знаю! – негромко прокомментировал сказанное Тед.

– Тем более. Однако сегодня все стало ясно! В ходе расследования, а также при помощи показаний людей мистера Спаркса удалось выяснить Истину! – Слово «истина» адвокат привычно выделил голосом, произнося с торжественностью, более подходящей истинному имени Всевышнего. Парадокс, но адвокаты, эти прожженные циники и профессиональные лжецы, к слову «истина» относятся трепетно. И очень любят представлять себя ее жрецами.

– То убийство было совершено китайской бандой, так что

подозрения с мистера Хамбла уже сняты. Более того, именно эта банда и напала на вашего компаньона и его тренера. Однако находившиеся рядом люди мистера Спаркса не прошли мимо и вмешались. И именно их вмешательство спасло жизнь вашему компаньону.

От такой трактовки событий Теодор Джонсон пришел в сильное замешательство. Он-то знал, что на самом деле как раз китайцы спасли его партнера и Генри Хамбла от нападения банды ирландцев. Засада была грамотной, численное преимущество – подавляющим, так что, несмотря на то что Генри великолепно стрелял и успел хорошо натаскать в этом деле Воронцова, без неожиданного вмешательства китайцев они, скорее всего, лежали бы на кладбище. Однако говорить об этом, как предупредил его Стоунбридж, было явно не время. И Тед молчал.

Видя затруднение Джонсона, мистер Стоунбридж решил помочь ему:

– Ну, сами подумайте, Теодор, разве могли бы ваш компаньон и его спутник самостоятельно отбиться от целой банды?

Тед, имевший по этому поводу конкретное мнение, отрицательно замотал головой.

– Ну вот! – обрадовался адвокат. – Вы понимаете!

– А могли ли они иметь контакты с членом китайской банды, закоренелым преступником, чей труп был найден на месте перестрелки?

Тед еще более решительно отверг такое предположение. О том, что в знакомстве с китайцами Воронцова и самого Теда не стоит сознаваться ни в коем случае, адвокат объяснил еще при первой их беседе.

– Видите! – еще больше обрадовался адвокат. – Значит, очевидно, что банда была китайской! Даже полиция с этим согласилась!

При этих словах дядя Билл снова усмехнулся, а Фред Морган недовольно поморщился.

– Этих достойных джентльменов, что помогли вашему компаньону, полиция уже выпустила, – «обрадовал» Теда Джонсона адвокат.

– А вашего компаньона и его спутника сняли с розыска, – продолжил он затем с хорошо изображенной радостью в голосе. – Недоразумение исчерпано! Они могут спокойно возвращаться к своим делам!

При этих словах воцарилось молчание. Воодушевления и радости никто не разделил. Потом, поморщившись, Тед недовольно сказал:

– Увы, мистер Стоунбридж, но поздно. Это «фатальное недоразумение», – тут он подпустил в голос яду, – и «эксцесс исполнителя», к сожалению, почти разрушили наш развивающийся бизнес. Очень уж уверенно полиция подозревала Воронцова и Хамбла, чтобы они, пусть и невинные, желали с ней общаться. Так что сейчас я даже не знаю, как их известить, что все в порядке.

Хотя обращался он к адвокату, ответил ему Элайя Мэйсон:

– А вот об этом, мистер Джонсон, я предлагаю вам поговорить отдельно, за обедом. Мне очень жаль, что мое приглашение, пусть и невольно, привело к таким разрушительным последствиям для вас и мистера Воронцова. Поэтому я предлагаю вам пообедать с нами вместе. И за обедом мы обдумаем, можем ли мы как-то компенсировать причиненные неудобства.

Нью-Йорк, Манхэттен, 8 сентября, вторник, время обеденное

Почему он выбрал для общения с Джонсоном этот итальянский ресторанчик, Элайя Мэйсон и сам не смог бы объяснить. Итальянскую кухню он не любил, Джонсона о предпочтениях не спрашивал... Да и не сказать, чтобы очень уж дешево... Сытно, это да. Но просто набивать желудок – это как-то по-плебейски...

Впрочем, наверное, именно простота здешней кухни заставила его сделать такой выбор. Этот Джонсон явно чувствовал себя не в своей тарелке, и Элайя хотел создать ему условия попроще. Опять же, вина итальянцы к обеду подавали немало, кувшин холодного, только из подвала, белого вина выставили на стол даже до того, как подать меню.

«Да, это то, что нужно!» – согласился сам с собой Элайя. Пусть этот Джонсон выпьет и немного расслабится.

Джонсон же сидел и мучился. Обилие мучного его сильно смущало. Не любил он этого. И пить предпочитал в кругу семьи или с друзьями, причем не вино, а пиво или что покрепче. Но не скажешь же этим «шишкам», что тебе не нравятся их выбор.

Обед начинался достаточно скромно. Однако к десерту Тед постепенно разговорился.

– Понимаете, синтез лекарства я сейчас и без компаньона сделаю, – излагал он, – однако у нас основной бизнес был не в самом лекарстве, а в сети для его распространения. Юрий называл такую систему «франчайзинг»...

– Почему? – неожиданно спросил молодой Морган.

– Не знаю... – слегка удивленно ответил Тед, – я не спрашивал... Может, потому, что ее французы придумали?

Фред кивнул, и Тед, собравшись с мыслями, продолжил рассказ:

– У Юрия был настоящий талант по части переговоров. Он умел не только привлечь людей к распространению, но и контроль наладить, и обучение. Причем так, что люди не чувствовали себя обиженными недоверием... Это очень важно. С его уходом сеть, конечно, развивается, но... Это уже совсем не то.

– А в чем именно не то? – вроде бы даже участливо спросил Элайя.

– Скорость оборота упала почти в полтора раза. Понимаете, наши распространители берут мазь и порошок не за на-

личные. То есть не все за наличные. Но у них есть срок, для каждого свой. По истечении этого срока они обязаны рассчитаться. Пока отсрочка была небольшая, денег требовалось немного, и бизнес развивался быстро. А сейчас наши контрагенты говорят, что все изменилось, сроки оборота выросли, и нашему партнерству приходится вкладывать больше денег. Это плохо, потому что своих средств у нас мало, и надо либо тормозить бизнес, либо занимать у банка. А банковский заем – дело опасное. Чуть не повезет, и бизнес уже не твой, понимаете?

Дядя Билл кивнул и снова улыбнулся, на этот раз – с вполне уместной грустью и сочувствием.

– Разобраться же с тем, почему оборачиваемость упала, мне некогда, я на отчетности сижу да само лекарство варю... Вот и получается, что эта самая «роковая случайность», о которой вы говорите, поставила наш бизнес под угрозу.

– Эту проблему легко решить, мистер Джонсон! – с демонстративным дружелюбием сказал Элайя Мэйсон. Надо сказать, что не только его подчиненные, но даже компаньоны были бы удивлены таким теплым тоном «ледяного Мэйсона». В последние годы все его нечастые проявления теплоты и душевности доставались лишь Мэри и ее тете Саре.

– Дело в том, что не так давно я предлагал вашему компаньону выплатить компенсацию за его недооцененное участие в одном изобретении. Сумма компенсации достаточно велика и, думаю, поможет вам некоторое время финансиро-

вать бизнес.

– Но это же не мои деньги! – возмущенно сказал Тед. – Как вы, сэръ, могли подумать, что я возьму чужое?

– Так ведь и бизнес не только ваш, – демонстрируя не меньшее дружелюбие, включился в разговор дядя Билл, – однако вы им управляете и за себя, и за компаньона, верно?

– На это у меня есть доверенность! – упрямо ответил Тед.

– Тем более! У вас есть доверенность от мистера Воронцова управлять его активами. А теперь будет еще поручение от меня отыскать мистера Воронцова и вручить ему пять тысяч долларов, о которых я писал ему ранее, но не успел передать. И вы, разумеется, сможете пока на время вложить одни активы Воронцова для поддержания других его активов. Что может вам помешать?

Разумеется, Элайя не стал уточнять, что раньше предполагал выплатить эту сумму частями за пять лет, а не сразу.

– Ничто не мешает, – немного неуверенно протянул Тед.

– Видите, Теодор! Я счастлив, что эта сумма как раз поможет вам решить часть проблем, невольными виновниками которых мы стали. Мы вам помешали, мы же вам и поможем! А с компаньоном вы, уверен, рано или поздно свяжетесь. И договоритесь, как учесть этот вклад. Верно ведь?

Нью-Йорк, поезд на Балтимор, 8 сентября, вторник, вечер

Фред остался в Нью-Йорке с Мэри. Дальнейшая програм-

ма их медового месяца предполагала поездку к Ниагарскому водопаду. А Элайя с дядей возвращались в Балтимор.

В вагоне люкс купе были двухместные, так что поговорить и выпить они могли без помех.

– Все же жаль, что с этим Воронцовым у нас не сложилось... – задумчиво протянул Элайя, потягивая уже третий по счету стаканчик виски. – Талантливый он парень, что ни говори. Наладить за несколько месяцев неплохой бизнес, почти не имея денег, совершенно без связей и репутации – это дорогого стоит!

– Согласен, – кивнул Билл. – Но это вовсе не значит, что тебе стоило отчитывать Фредди перед его женой. И сравнивать их, отдавая предпочтение русскому.

Элайя помолчал. Ему редко делали замечания в последние годы. И обычно он заставлял тех, кто решился на такую дерзость, пожалеть об этом. Даже тех, кто формально был ему ровней. Дядя Билл рисковал и знал это. Тем не менее ответ прозвучал мягко:

– Согласен, не стоило. Это может испортить всю жизнь моей девочке...

– Не стоит волноваться, я думаю, они сейчас занялись тем, что выбивает из головы все мысли! – улыбнулся ему дядя.

– Да уж! – расхохотался Элайя, и неприятная тема была надолго забыта.

Нью-Йорк, Манхэттен, 8 сентября, вторник, поздний ве-

чер

Если бы они могли увидеть, что в этот вечер творилось в номере для новобрачных, они не были бы так веселы. Нет, поначалу все шло согласно канонам. Прогулка с молодой женой, романтический ужин в номере – все прошло, как и предполагалось. Да и позже Фред не оставил молодую супругу разочарованной. Опыт у него был, здоровья хватало, так что он справился на «отлично».

Но вот позже, когда она притворилась задремавшей, втайне рассчитывая на продолжение, он выбрался в соседнюю комнату и зажег свет. Удивленная Мэри подождала немного, а потом заглянула в щелку. Оказалось, что он раздобыл стопку бумаги, карандаш и что-то сосредоточенно писал. То ли схему чертил, то ли расчеты проводил, то ли и то и другое попеременно.

Мэри обиженно насупилась. Муж променял ее на какие-то там расчеты в первую же неделю семейной жизни?! А что будет дальше?

Между тем Фредди, похоже, закончил со своими расчетами. Полюбовавшись на итог, он негромко сказал сам себе: «Дурак этот русский! Лекарства новые изобретал, секреты городил... Да этот его франчайзинг – сам по себе золотое дно!»

Потом налил порцию виски, выпил и двинулся в сторону спальни с протяжным, хоть и не очень громким: «Дорогая! Я соскучился-я-я!»

Мэри торопливо юркнула в постель. Промелькнула мысль притвориться крепко спящей, чтобы наказать мужа, но Мэри ее отогнала. И не пожалела.

«Еще неизвестно, кто остался бы наказан!» – подумала она удовлетворенно некоторое время спустя. С этой мыслью она заснула.

Из мемуаров Воронцова-Американца

«...Пароход был маленький и неторопливый. Быть кочегаром на судне – означает работать на пределе сил почти все время. Ты переваливаешь уголь из бункера к топкам, потом закидываешь его в топку, после этого вытаскиваешь раскаленную золу, а уже остывшую – выкидываешь в море. Этот цикл бесконечен всю твою вахту. В полутьме, при плохой вентиляции, в пятидесятиградусную жару летним днем и в тридцатиградусную ночью... Прерваться во время вахты ты можешь только на то, чтобы глотнуть водички. После вахты ты торопливо глотаешь бурду, которую только и готовит корабельный кок, кое-как смываешь с себя часть копоты и валишься в черное забытье.

Такая работа требует привычки, и новичкам приходится трудно. Я был новичком во всех смыслах – и мне было особенно трудно. Пару раз мы вроде заходили в какие-то порты, но меня на берег не отпускали. Да я и не рвался. Остальные кочегары, машинисты и палубные матросы в это время торопливо

просаживали часть заработка в портовых кабаках и борделях, но мне было не до того. В это время машины стояли, и я отсыпался. Тем более что вся тяжесть первой вахты после порта приходилась именно на меня. Остальные кочегары маялись похмельем. В общем, подумать о новом проекте в дороге, как я наивно собирался, не получилось.

Но все когда-то кончается, кончилось и мое путешествие. Невероятно буднично. Просто через час после того, как я в очередной раз погрузился в черный провал без сновидений, заменявший мне сон в последние недели, меня снова разбудили и погнали выгружать груз...»

Средиземное море, 27 сентября 1896 года, воскресенье

– Ну что, ты все еще недоволен нашим планом? – спросил капитан Костадис и окинул старпома угрюмым взглядом.

– Нашим? Помнится, сэр, вы приказали мне заткнуться и делать, что сказано. И не мешать вашим, сэр, великим идеям.

Капитана обращение на «вы» и «сэр» не обмануло. Напротив, оно многое сказало. Старпом был не только вторым офицером на судне, но и шурином Костадиса. Кроме того, он был и совладельцем. Правда, доля его была всего десять процентов, но и у самого капитана было лишь сорок пять. Оставшиеся сорок пять принадлежали Дукакису, критскому контрабандисту. Костадис с Дукакисом давно не ладили, поэтому, от того, кого поддержит старпом, зависело, ко-

му определять политику компании. Старпом мог себе позволить не только обращаться на «ты» в неофициальной обстановке, но и говорить в глаза, что думает. По крайней мере, до тех пор, пока они у Дукакиса долю не выкупят.

И это «вы» лучше всего показывало, что в данный момент он недоволен.

– Подожди! – остановил Костадис старпома. – Ты забыл, что ли, что мы не просто так Дукакису оружие везем? Мы этим оружием его долю в судне выкупаем. Вместе выкупаем! На пару! – с нажимом повторил он. – У меня будет семьдесят пять процентов, но и твоя доля вырастет до двадцати пяти. И доходы вырастут. А раз у тебя доля, то и часть ответственности в плане – твоя.

Старпом промолчал.

– И потом, что тебе не нравится? «Патриотом» в Штатах был я. Я людей призывал деньгами скинуться. И еще сам добавил, чего не хватало... Но Дукакис эти винтовки и патроны втрое дороже примет. А учитывая, что больше половины денег не наши, то, считай, мы его долю за гроши выкупаем!

– Хороши гроши, – угрюмо проворчал старпом. – Мне несколько лет работать надо, чтобы столько получить!

– Так это ж заем! – терпеливо урезонивал его Костадис. – Мы на его погашение те деньги отправим, что раньше Дукакису уходили. За пару лет как раз и погасим. Поэтому считай, что действительно задаром!

Старпом снова промолчал. Нет, против контрабанды во-

общее он, как и многие моряки, не возражал. Да и против контрабанды оружия возражал не слишком сильно. Его смущала только блокада побережья «державами». Ведь, если поймают, судно конфискуют, а ему и капитану светит турецкий суд. И возможно, смертная казнь. «За поддержку мятежников». Слишком высокая ставка.

– До Ханьи два дня осталось! Если проскользнем через блокаду нормально, то тогда я и оценю твой план, как гениальный! – сдаваясь, пробурчал он, отбросив церемонное «вы». – В общем, спроси меня в среду, ладно?

– А зачем ждать среды? – делано удивился капитан. – У нас же было договорено, что в случае проблем на Крит не идем, а сгружаем весь товар в тайник Дукакиса на том островке... Вот я лично проблемы уже вижу и решаю, что так мы и поступим! А сами пойдем в Стамбул, понятно?

– А вот теперь я готов выпить за твой гениальный план! – с широкой улыбкой ответил Костадису шурин.

Небольшой островок неподалеку от Крита, 29 сентября 1896 года, вторник

Отчего-то я был уверен, что контрабанду всегда сгружают ночью. Но когда меня позвали на палубу, едва-едва перевалило за полдень.

– Помогай сгружать! – скомандовал мне старпом.

Пришлось мне вместе с полудюжиной палубных матросов извлекать из трюма ящики с оружием, грузить их на шлюп-

ку и везти на какой-то островок. Как только боцману казалось, что мы заскучали, он тут же взбадривал нас когда ревом, а когда и пудовым кулаком.

Когда все закончилось, шлюпку втянули обратно, а старпом шепотом пояснил мне:

– Блокада у острова очень плотная. Так что мы оружие в тайник перегрузили, его отсюда патриоты с Крита заберут, а сами идем в Стамбул. И тебя высадим там, понятно?

– Да уж понятно!

– Впрочем, если рвешься защищать свободу Крита, можешь прыгать за борт! – как будто пошутил он. – Наши патриоты добровольца всегда примут!

– Нет уж, благодарю! – так же вроде бы шутливо ответил я. Тут вдалеке раздался звук сирены.

– Черт! Сторожевик! – Тут он повернулся ко мне: – Прыгай за борт, акуляя требуха, если тебя тут поймают, нас всех троих повесят! Плыви на остров! – С этими словами он достал из кармана свой «кольт» и угрожающе направил в мою сторону: – Ну? Живо! Я кому сказал?!

Небольшой островок неподалеку от Крита, 29 сентября 1896 года, вторник, вечер

Я оглянулся. С одной стороны, мои револьверы так и лежали в карманах куртки. Не то чтобы это было очень удобно, но в другом месте их попросту сперли бы. Там же лежали и деньги, и моя старая заветная золлингеновская бритва.

А дальше что? Что увидит досмотровая группа со сторожевика, поднимающаяся на корабль – залитую кровью палубу с кучей трупов? И меня с дымящимися револьверами в руках... Ну ладно, уже не дымящимися – до сторожевика еще далеко. Но это ничего не меняет. Я хочу, чтобы кроме тех обвинений, что уже повесили на меня в Нью-Йорке, получить еще и обвинение в пиратстве?

И перестрелять к чертовой матери я успел бы не только старпома, но и трех матросиков, что готовы были вмешаться. А дальше что?

В общем, я прыгнул за борт и поплыл, прикрываясь, насколько можно, сначала бортом судна, а потом торчащими из воды скалами. Потом я тупо устал и все никак не мог выбраться на скалистый берег. А когда выбрался, сторожевик уже удалялся куда-то в компании суденышка Костадиса.

«Ну и черт с ними! – решил я. – Буду изображать Робинзона, пока «революционеры» не приплывут».

Насчет «революционеров» я не обольщался, помнил обмолвку Теда про «тайник контрабандистов». Ну да ладно... Прикинусь, что я идиот, решивший воевать за свободу Крита. Авось не зарежут и на острове не бросят. А мне бы только до берега добраться... И я настроился ждать.

И вот тут-то до меня дошло, что робинзонада у меня какая-то необеспеченная выходит. Воды на острове не было. Вообще. Еды тоже. Не было ни топлива, чтобы развести костер, ни спичек с собой, ни укрытия от непогоды. Так что, ес-

ли контрабандисты не придут сегодня, то завтра, максимум послезавтра, я тут благополучно помру от жажды и ночного холода.

Тут как раз начал моросить мелкий дождик.

«Уже хорошо!» – решил я. И начал искать, нет ли тут углубления, в котором соберется лужа. Найдя, напился. Потом, оценив размеры лужи, понял, что протяну и денька три, если не замерзну...

Впрочем, винтовки все в деревянных ящиках, патроны тоже. Так что, если станет совсем худо, можно будет ящики разбить и пустить на топливо. Бумага есть, а поджечь ее можно порохом. А его подожду капсюлем. Он же ведь как раз для этого предназначен, не правда ли? Патрон раскурочу и достану. Даже если с первого раза что-то не получится – патронов много, так что с какого-то раза обязательно получится. Поняв, что еще поживу, я успокоился и решил не спешить. Неизвестно, как контрабандисты отнесутся ко мне, если я их имущество попорчу.

Подумав еще немного, переставил ящики так, чтобы они образовали норку. Так, как дети домики строят. Ящики снизу, ящики по бокам и с тыльной стороны, ящики сверху. И узкая норка между ними.

Еще раз напившись впрок, я снял куртку и юркнул в эту щель. Потом укрылся. Благодать! Не дует, не холодно, и никто на вахту не гонит, можно спать вволю! Чем я и занялся.

Санкт-Петербург, 22 июня 2013 года, суббота, вечер

Тут принесли заказ, и Алексею пришлось отложить чтение. Как наставлял его дед: «Китайская кухня простая, сытная, но во время еды нельзя отвлекаться!»

Да и как тут отвлечешься? Баоцзы⁷ надо есть, пока они не остыли. Иначе гадость получится. А перед тем стоит подготовить желудок чашкой-другой зеленого чая.

В детстве Алексея очень забавляла такая последовательность, «шиворот-навыворот», смеялся он тогда. Но дед настаивал, что именно в таком порядке и рекомендовал ему все есть хозяин этого ресторана дядюшка Джиань.

Впрочем, как подумалось Алексею, может быть, Джиань учил не только деда, но и Американца? Вообще-то, Американец здорово в этой книжке завернул. Себя главным героем фантастического романа прописал, но ведь и реальных кусков биографии накидал немало. Про то, что Фредди Морган его изобретение украл, в семье все знают. Да и в мире многие с этим согласны. Портрет Генри Хамбла Алексей в Сети нашел, оказывается, этот ганфайтер сохранился в истории. Причем упоминалось его имя в основном в связи с Американцем. Опять же Крит... Алексей вспомнил позапрошлогдную поездку на Крит с дедом. Как раз в Ханью. Их семья

⁷ Баоцзы – популярное блюдо китайской кухни, аналог среднеазиатских мантов или русских пельменей. Готовится на пару. Начинки бывают самые разнообразные – мясной фарш, капуста, грибы, тыква или их сочетание. Чаще всего используют свиной фарш с капустой. В Китае баоцзы особенно любят есть на завтрак, но употребляют они и в другое время дня.

давно тамошний колледж патронирует. И деньгами снабжает, и с учителями помогает... Вот и приходится ездить регулярно, в торжествах всяких участвовать.

Ладно, сначала надо все доест. И заказать такси. После такого сытного ужина ехать на метро совсем не тянет. Вот в дороге и продолжим чтение...

Небольшой островок неподалеку от Крита, 30 сентября 1896 года, среда, ночь

Петр Дукакис долго колебался, плыть ли в эту ночь за оружием. С одной стороны, наблюдатели определенно докладывали, что Костадис достаточно долго дрейфовал неподалеку от островка с тайником и мог успеть разгрузить оружие. А оружие было нужно. Спрос был велик и на винтовки с патронами, что обещал Костадис, Дукакис уже заранее нашел покупателей, причем по цене вдвое выше. Учитывая, что платить не пришлось ни копейки – прекрасная сделка! Все равно из партнерства пришлось бы выходить. Ну не получалось у него нормально работать с этим чертовым Костадисом.

Но именно это Дукакиса и смущало. Костадис-то не сам уплыл, его сторожевик конвоировал. А ну как сдаст его, Дукакиса? Тут уж ему светит только быстрый суд да расправа... Но, подумав, Петр решил рискнуть. Оружие было нужно. Очень нужно! И не только ради денег. Людей ведь могли вырезать. Земляков, родственников, клиентов...

Поэтому Дукакис решил пойти сам. Вышли вечером, на закате подошли к островку, покрутились вокруг. Поблизости никого, ни турок, ни представителей «держав». Как стемнело, огни зажигать не стали, а выслали к островку шлюпку «на поводке». Поводок помогал контрабандистам на обратном пути найти кораблик Дукакиса без огней.

Когда впереди зачернел островок, выслали вперед пловца, чтобы помог мягко причалить. Возле тайника засветили потайную лампу. Да, ящики были на месте, как и оговорено.

«Грузим!» – знаком показал своим людям Дукакис. Здоровяк Георгий вместе с братом приподнял верхний ящик и... неожиданно выронил свой край. Ящик упал почти «стоймя», скользнул по ребру соседнего и провалился в странную «норку», зачем-то сделанную внутри груза.

Оттуда раздался дикий крик.

Из мемуаров Воронцова-Американца

«Я пригрелся и уснул. Проголодаться не успел и поэтому был почти счастлив. Тем кошмарнее было пробуждение. Проснулся я от дикой боли в ноге и от неожиданности заорал. В ответ раздалось несколько не менее громких криков испуга. Повезло, что контрабандисты стрелять не стали! И второе везение – их главный, грек Дукакис, хоть как-то понимал английский. И потому мои объяснения, продавливаемые сквозь стоны, что я прибыл бороться

за независимость Греции, были им отчасти поняты. Узнав же, что я русский, он почему-то совсем успокоился и пообещал, что не только доставит меня на остров, но еще и отведет к людям, которые меня примут.

Не сразу (сначала в несколько рейсов перевезли оружие), но меня доставили на его суденышко. Контрабандисты прекрасно владели ремеслом, так что, несмотря на темень, без особых проблем пристали к нужной точке критского берега и разгрузились. Я опять был последним.

Дукакис выделил мне еще несколько секунд и объяснил, что дает мне ослика и проводника. Проводник меня понять не сможет, но ему все объяснили, так что он приведет ослика туда, где мне дадут приют, потому что «это тоже русские, и они добрые люди». Ослика проводник заберет и вернет к Дукакису. Закончив объяснения, Дукакис растворился в темноте.

Проводником оказался паренек лет двенадцати. Со мной он, как и было обещано, не общался, зато много, хоть и тихо, говорил сам с собой и с осликом. Время от времени он что-то даже напевал...»

Крит, неподалеку от Ханьи, 30 сентября 1896 года, среда, раннее утро

С места разгрузки они ушли, когда небо начало светлеть. Самое лучшее время для того, чтобы не попасться. Ты уже можешь рассмотреть дорогу, но тебя увидеть можно только

вблизи. Да и природа начинает просыпаться, так что звуки копыт слышны не так далеко, как ночью.

В общем, самое лучшее время. Патрокл вел в поводу ослика и время от времени весело напевал, настроение у него было чудесное. Хоть ему и не доверили везти оружие повстанцам, но зато поручили довести до места этого чудного чужеземца.

Патрокл время от времени принимался убеждать сам себя и ослика, что это ничуть не менее опасно, но даже более почетно. Ведь раз оружие прислали с человеком, значит, там, далеко за океаном, их борьбу ценят и поддерживают. И придут новые партии оружия и новые добровольцы. И он, Патрокл, оправдает свое имя, означающее «слава отца». Отец давно, почти десять лет назад, погиб в очередной попытке восстания. Поэтому Патрокла воспитали мать и дед. А дед очень гордился тем, что они – настоящие критяне, потомки древних жителей Крита. «Наша цивилизация уже была древней, когда в Афинах еще пасли коз, а про турок никто и не слышал!» – не раз повторял он мальчику в детстве. Единственное, что обижало Патрокла в поведении деда, это то, что маму, которая была из потомков венецианцев, дед недолюбливал и называл «оккупанткой»⁸.

Но сейчас Патрокл впервые мог сделать что-то важное для свободы Крита. И то, что чужеземец получил увечье, мальчика не смущало. Ну, полежит немного, нога и пройдет,

⁸ До турок Крит был под властью Венеции с XIII по XVII в.

борьба-то не один месяц продлится!

* * *

Анна Валерьевна обожала утро. Любое утро! По утрам ее душа, казалось, пела. Поэтому она всегда просыпалась затемно, стараясь не пропустить волшебство рассвета, сполна насладиться им! Сегодняшнее же утро было достойно, по ее внутренней шкале, наивысшей оценки!

Сначала рассветные лучи подсветили вершины гор, и те факелами вспыхнули на фоне еще темноватого небосклона. Но лучи ползли все ниже, небо светлело, и вот в какой-то волшебный миг солнце освещало и морскую даль. В этот момент в душе Анны Валерьевны всегда наигрывала «Ода радости» Моцарта.

Наверное, сказалось влияние Митрофана Петровича⁹, троюродного дяди мужа, известного мецената и ценителя музыки. По крайней мере, именно благодаря его «Беляевским пятницам» робкая тяга к музыке превратилась у Анны Валерьевны в привычку к любому событию или человеку искать музыкальное сопровождение.

Утро, когда в душе звучал Моцарт, она не хотела делить ни с кем. И для обоснования своего одиночества придумала

⁹ Митрофан Петрович Беляев, купец первой гильдии, известный лесопромышленник. С 1884 года устранился от дел, передав их брату, сам же посвятил себя музыке.

и ввела в обычай «обходы поместья». Именно «придумала». Нет, конечно, Беляево, как и любое хозяйство, требовало хозяйского пригляда. Но утренний осмотр в этом смысле был всего лишь оправданием для одиночества.

Впрочем, сегодня «дослушать Моцарта» госпоже Беляевой не дали. За зеленой изгородью послышался шум копыт и на поляну «выкатилось» «великолепное трио» – два оборванца и ослик. Ослик, впрочем, был вполне милый. Да и местный мальчишка был достаточно юн, чтобы внушать скорее умиление своими живописными, все в заплатках, лохмотьями. А вот третий... Третий внушал тревогу. По виду одежды можно решить, что он сначала долго и с удовольствием ползал по куче угля, затем, не меняя одежды, чистил в ней дымоход, а напоследок решил искупаться в море и высушить одежду прямо на себе. В довершение ко всему он, похоже, был ранен в левую ногу, на что указывал снятый с нее ботинок и тугая, хоть и несвежая повязка.

Он измученно озирался по сторонам, похоже, поездка разбередила его рану. Тем не менее Анну Валерьевну он, в отличие от пацаненка-аборигена, заметил моментально.

– Кто вы такие и что вам нужно в моем имении? – строго спросила она по-гречески.

Подросток, только сейчас обнаруживший ее, тут же разразился длинной и очень темпераментной речью, из которой следовало, что он нашел этого русского на берегу, тот упал со скалы и что старшие посоветовали ему отвезти постра-

давшего сюда, где с ним смогут поговорить.

После чего он требовательно потянул раненого за рукав, стягивая его с ослика. Тот, хоть и неохотно, но слез.

– Вы что, действительно русский? – немного недоверчиво спросила она на родном языке.

– А что, разве не видно? – без малейшего акцента отозвался тот. – За местного меня принять трудновато! – язвительно продолжил он, повернувшись к ней.

Тут мальчишка, не затрудняя себя обрядом прощания, ловко юркнул в кусты и утянул за собой покладистого ослика. Соотечественник же, повернувшись, чтобы увидеть, отчего за спиной раздался цокот копыт и треск кустов, похоже, неловко наступил на пострадавшую ногу, и, коротко вскрикнув, рухнул на камни.

* * *

«Ну и что прикажете с ним делать? Не туркам же сдавать?» – сердито подумала госпожа Беляева. Впрочем, выход у нее был. Усадьба была построена не ею, и прежние хозяева, как и многие на Крите, баловались контрабандой.

Был и тайничок под «деликатные» товары – умеренно теплый, вентилируемый и освещаемый уголок подвала, спуститься в который можно было как со двора, так и из ее кабинета. Чтобы помещение не простаивало, Анна Валерьевна использовала его как хранилище и всяческих запретных

для выпускников вещей: архива приюта, спиртного, оружия, деликатесов, табака...

Вот и этого нежданного гостя стоит туда отвести. Сознания-то он не потерял.

Из мемуаров Воронцова-Американца

«...К тому моменту в моей жизни уже не раз происходило нечто неожиданное, нечто сногшибательное. Один только перенос во времени (или все же между мирами?) чего стоит! Но человеческая психика устроена странно. По крайней мере, даже перенос во времени не казался мне столь невероятным, как то, что я попал именно в приют Беляевой, о котором мне так много рассказывал Витёк Суворов. Боюсь, из-за этого поначалу я показался ей не вполне адекватным.

Первое, что донесла до меня госпожа Беляева, это нежелание подвергать риску обитателей приюта. Оно и понятно. Судя по рассказам Витька, обитает она тут около четверти века, своих детей завести не получилось, умирали еще во младенчестве, замужество тоже было коротким, муж был офицером, погиб рано. Так что семьей ей стали воспитанники и преподаватели приюта. И их она будет беречь. А я для нее кто? Фактор риска, не более!»

Крит, неподалеку от Ханьи, 30 сентября 1896 года, сре-

да, позднее утро

Долгой наша беседа не была. Приют, даже маленький – огромный организм, требующий постоянного внимания. Так что вскоре хозяйка откланялась – подъем, гигиена, утренняя молитва, зарядка и завтрак – все это требовало ее присутствия. Кстати, о завтраке. Нет, кормить с общего стола она меня не стала. Но принесла немного печенья, немного домашнего вина и сыра. Что ж, чудесный набор! Тем более что после почти суточной голодовки я не был настроен привередничать.

Часов в одиннадцать, когда у воспитанников уже давно шли занятия, она вернулась сначала в свой кабинет, а из него и ко мне в тайник.

– Итак, молодой человек, хоть я и рада видеть соотечественника, думаю, вам лучше покинуть наше заведение. Сейчас тут времена смутные, а в приюте обитают дети. И я не вправе подвергать их риску. Вам это понятно?

– Да, Анна Валерьевна, разумеется!

– Ну, вот и чудесно! После обеда я дам вам провожатого, и вас проводят в другое надежное укрытие... Пойдите! Но я представилась вам только по фамилии, откуда вам известно, как меня зовут? – удивленно спросила она.

Несмотря на боль в ноге, я улыбнулся.

– Пути Господни неисповедимы... Я прибыл сюда вчера из Северо-Американских Соединенных Штатов...

– Но вы же русский? Почему из Америки? – еще более

настороженно перебила она меня.

– Анна Валерьевна, умоляю вас, не перебивайте! Я пришел из САСШ... И так сложилось, что лучшим моим другом в той стране был Виктор Суворов.

– Витя? Вот же непутевый! И как он там?

– Поначалу было неплохо. Помыкался, конечно, но потом устроился поваром. Дорос до совладельца ресторана. Мы с ним квартиру на двоих снимали... Случалось, рассказывали друг другу истории из жизни. А что ему рассказывать? Про приют в основном. Ну и про вас... Кстати, он очень хвалил вашего преподавателя химии и физики, говорил, что мне было бы полезно с ним пообщаться...

Улыбка Анны Валерьевны потускнела.

– Увы, Иван Порфирьевич умер две недели назад. Но преподавателем он был великолепным, Виктор не преувеличивал. До приюта он преподавал химию в Казанском университете. И сманить сюда его удалось только из-за чухотки. Доктора рекомендовали переехать в средиземноморский климат! Смена климата продлила ему жизнь почти на дюжину лет, но увы... Встретиться и пообщаться с ним вам не удастся, молодой человек... Так как там поживает Витюша?

– К моему прискорбию, его тоже нет в живых. Весной случился пожар, и Виктор погиб.

– Вот как...

– Увы.

Она снова замолчала, погружившись в мысли. Я не решал-

ся побеспокоить ее. Так прошло минут десять, потом она вдруг встрепенулась и снова недоверчиво повторила:

– Но вчера в порт не должно было прибывать никаких иностранных судов!

– Анна Валерьевна, вспомните, кто привез меня к вам. Этот мальчишка – проводник, которого дали мне контрабандисты. Увидев, что я повредил ногу, они не решились отправлять меня к повстанцам.

– Так! Ни слова больше! С собой я могу рисковать, но не хочу, чтобы в этом был замешан приют!

– Нет, вы снова меня не так поняли! Сам я не повстанец и не контрабандист! Я был простым пассажиром. И меня должны были нормально высадить в Ханье. У меня тут небольшое дело, сделав которое я планирую покинуть остров. Но, как я понимаю, капитан судна вез контрабанду. И когда пограничное судно решило досмотреть наш пароход, капитан не только выгрузил оружие на какой-то островок, но оставил там и меня. Так и получилось, что контрабандисты меня приняли за какого-то посланца к восставшим. Сам же я – добропорядочный и мирный путешественник, честное слово!

Из мемуаров Воронцова-Американца

«Думаю, сильнее всего на Анну Валерьевну действовало то, что я был тесно знаком с Виктором.

Воспитанники становились ей как родные, и сейчас она жаждала выведать все о жизни и смерти своего непутевого сбежавшего питомца.

А, кроме того, еще и рана на ноге вдруг воспалилась. И извечное пристрастие русской интеллигенции помогать гонимым и раненым также не позволяло госпоже Беляевой выгнать меня немедленно, не дав хоть немного отлежаться.

Не думаю, что она сразу поверила в мою добропорядочность, но предпочла сделать вид, что поверила. В город был отправлен гонец за лекарствами, после возвращения которого на мою ногу перевели умопомрачительное количество бинтов и каких-то незнакомых мне противовоспалительных мазей, а для меня самого на время лечения в тайнике устроили эдакий лазарет.

Чтобы я не скучал, Анна Валерьевна предложила мне книги. Я выбрал учебники по химии и физике, оставшиеся от покойного Ивана Порфирьевича.

Потому что раз уж образовалось такое вот время «безделья», я решил хорошенько освоить совершенно незнакомую мне местную русскую грамматику со всякими там «ятями», «фитами» и твердыми знаками в конце слов. Совершенно точно лишним не будет. И так получились, что эти учебники лучше всего подходили мне в качестве «букваря». Потому что из всех имеющихся книг именно они оказались с наибольшим объемом априори понятного мне текста. Уж химию и физику-то я знал куда лучше местных...

Кроме того, время от времени Анна Валерьевна улучала минутку и заходила ко мне. Пообщаться и узнать, не надо ли мне чего...»

Крит, деревушка в окрестностях Ханьи, 30 сентября 1896 года, среда, утро

Как узнать время смуты? Очень просто! По всеобщей настороженности. Еще полгода назад в любую рыбацкую деревушку можно было войти неожиданно-негаданно, и жители только гадали бы, к кому это нагрянули гости да зачем, но побеспокоить не рискнули бы. Теперь же, несмотря на то что люди Дукакиса старались передвигаться скрытно, подростки, стоявшие в дозоре, заметили их метров за двести до околицы. И тут же помчались поднимать тревогу.

Вторая примета смутного времени – быстрота, с которой реагировали на приближение гостей. Пусть и ожидаемых. Староста со своими людьми встретил Дукакиса на околице. Всмотрелся, пересчитал количество людей и поклажи, пригляделся, нет ли незнакомых лиц, и лишь после этого сдержанно поприветствовал:

– Приветствую тебя, Петр. Благополучно ли добрался? Сумел ли раздобыть то, что мы заказывали?

– Все в порядке! – отозвался Дукакис. – Но, думается мне, беседу лучше продолжить у тебя во дворе, чтобы лишние глаза чего ненужного не подглядели.

Староста, сразу видно, был огорчен такой невежливой поспешностью гостей, но возражать не стал. Повернулся и мах-

нул рукой. Мол, ладно, раз так поспешаете, то идем, чего стоять.

Во дворе старосты они тоже не задержались, а сразу прошли в лодочный сарай. И лишь там, когда остались только свои, стали, уже не сильно торопясь, рассматривать привезенное. Каждая винтовка внимательно изучалась. Время от времени возникал спор, не помешает ли трещина на прикладе или выщербина на стволе стрелять. Спорное оружие откладывали в сторону. Потом долго рядили. Дукакис не сильно переживал, знал, что возьмут селяне все. Даже такое дерьмо, как винтовки Спрингфилд «Трап-доор», скупленные Костадисом по дешевке.

А что придираются, так это просто чтобы цену сбить. Потом был пересчет и торг. Наконец перешли к обсуждению суммы.

– Вот, уважаемый, сто винтовок, как и договаривались. И по сотне патронов к каждой. Итого – четыреста лир! Половину золотом, половину можно банкнотами...

– Подожди, Петр! – заволновался староста, – Как это четыреста лир? Сам смотри, договаривались, что по три лиры за винтовку. Но это за нормальную! А из них восемь – с дефектами. Мы договорились, по лире ты за каждую дефектную сбросишь. Так что за винтовки у нас двести девяносто две лиры.

– Так! – подумав немного для солидности, согласился Дукакис. – Верно. Не четыреста лир, а триста девяносто две.

– Подожди-подожди! А патроны ты зачем по курушу¹⁰ за штуку посчитал? По курушу – это старые патроны были, а американские, ты сам говорил, на четверть дешевле, так что по тридцать пара. Так ведь, люди? – воззвал он к односельчанам, участвовавшим в осмотре оружия.

– Так! Так! – тут же донеслось со всех сторон.

– Так что получается двести девяносто две лиры за винтовки да семьдесят пять – за патроны! – продолжал напирать староста.

– Патроны подорожали! – возразил Дукакис с непреклонной решимостью в голосе. – И я тебе об этом потом говорил. Что не смогу я теперь четверть скинуть, без своих денег останусь! А ты сказал, мол, все равно вези.

– Ну, пусть не четверть, пусть пятую часть, – упирался староста.

– Хорошо! – неожиданно быстро согласился Дукакис. – Пусть так. Итого триста семьдесят две лиры. Половину золотом. Верно?

– Верно! – со вздохом согласился староста. – Пошли в дом, рассчитаемся...

И скомандовал, обращаясь к односельчанам:

¹⁰ 1 лира = 100 курушей. 1 куруш = 40 парá. В период с 1844 по 1855 год были выпущены монеты в 1, 5, 10, 20 пара, ½, 1, 2, 5, 10, 20 и ¼ куруша, а также ½, 1, 2½ и 5 лир. Кроме монет, имели хождение и банкноты. Текст на банкнотах размещался на турецком и французском языках. В описываемое время имели хождение банкноты в 1, 2 и 5 лир, в 1, 5, 10, 20, 50 и 100 курушей. Лира равнялась примерно 4,5 доллара США.

– А вы не стойте, по домам разнесите. По тайникам прячьте. Куда и сколько – сами знаете!

– Стоп! – вдруг жестко прервал его контрабандист. – Сначала – деньги! А до того товар у моих людей на виду пусть лежит! Я тебе, конечно, верю, но порядок такой, не мы его придумывали, не нам и отменять!

– Ладно! – с досадой махнул рукой староста. – Пошли в дом. Рассчитаемся.

В доме, как положено, гостя тут же усадили за стол. Налили стакан вина, поставили ломоть сыра да оливки на закуску... Староста ушел в соседнюю комнату и долго отсчитывал деньги. Вернулся с мешочком монет и стопкой банкнот. Дукакис не торопясь тщательно пересчитал. Затем повторил пересчет. Убедившись, что результат не меняется, обратился к хозяину:

– Это что за шутки, уважаемый? Тут только триста лир. Где еще семьдесят две?

– Извини, Петр. Нет у нас сейчас. Хочешь, расписку напишу. В следующий урожай мы тебе не семьдесят две лиры, а восемьдесят отдадим? И все золотом, хочешь?

– Нет. Не хочу! Деньги мне сейчас нужны. Все, до последней пара. Не заплатите вы, заплатят соседи. Они тоже оружие просили. Но я к вам пошел. А вы... Хотите в долг взять? Так не у меня берите. Пошли бы в Ханья, там Ян Гольдберг, еврей-процентщик. Он бы вам и занял. Занимать деньги – его хлеб! Ему бы и отдавали...

– Не даст нам Ян! – глухо проворчал староста.

– А я тем более не дам! – отрезал контрабандист.

– Ты не дашь, через неделю армяне привезут. Карена, что неподалеку от маяка живет, знаешь? На ближней окраине Ханьи? Так он за ту же цену через неделю русские винтовки поставить обещал. И из них согласен половину векселем взять.

– Так чего ты у меня берешь тогда? И брал бы у армян! – не поверил Дукакис.

– Потому и беру, что его поставки еще неделю ждать надо! И не факт, что он первую партию мне отдаст. А время сейчас сам знаешь какое... Сам смотри, Попандопуло не спешил вооружаться, в закон верил. И где он теперь? И сам сгинул, и все семейство его пропало невесть куда. А в доме его теперь казармы Патриотической Сотни. А ведь богатая семья была, сильная, уважаемая...

Контрабандист покивал в знак согласия. Историю с исчезновением семейства Попандопуло в Ханье обсуждали уже четвертый месяц. Невесть откуда прошел слух, что у Попандопуло в доме скрывают раненых повстанцев. Начальника полиции как раз в городе не случилось. Так толпа «возмущенных патриотов» устроила «суд» сама. Самосуд. И повесили, прямо на воротах дома. А семья его в ту же ночь исчезла. Куда исчезла, неизвестно. Полиция выдвинула версию, что они на лодках контрабандистов перебрались в Грецию. Якобы опасаясь справедливой мести «патриотов». Только

местное население, прочно повязанное с контрабандистами, точно знало, что никто из них семью Попандопуло не вывозил. Зато в пустом доме и пристройках обосновались «патриоты», организовавшиеся в Патриотическую Сотню под командованием юзбаши Мехмет-оглы Арслана по прозвищу Карабарс¹¹. И хотя это породило множество догадок о судьбе семейства Попандопуло, распускать языки никто не спешил. Дураков ссориться с Карабарсом и его бешеной Сотней в Ханье и ее окрестностях не осталось.

– Так что оружие нам сейчас нужно, а не когда-нибудь. Потому и прошу, как земляка прошу, возьми расписку. Я ведь не половину прошу, а меньше четверти. Ну, соглашайся, а?

– Как земляка? Ну ладно! Только тогда вы мне к оплате еще немного еды добавите, а то люди в отряде голодают.

Крит, окраины Ханьи, 30 сентября 1896 года, среда, время обеденное

– Ай, дорогой! Какая удача, какого гостя Бог в дом послал! Заходи, за столом устраивайся, угощайся! И не говори потом, что Карен Данелян тебя плохо принимал! Скажешь так – обидишь кровно! Садись, садись! Вина попробуй!

Трещал этот невысокий и полноватый армянин так энергично, что Дукакису не удавалось вставить ни слова. Да и что

¹¹ В переводе с турецкого имя означает Лев сын Мехмеда, а прозвище – Черный Барс, юзбаши – сотник, капитан.

сказать, не знал. Нет, по дороге сюда сценарий разговора представлялся ему отчетливо. Выволочь этого наглого армяшку из дома, поручить пятерке сопровождавших его парней хорошенько отволтузить толстого и разъяснить на будущее, чтобы не смел покупателей переманивать да цену сбивать. Ну а если не дойдет, то... Море рядом, труп спрятать недолго.

Но уже на месте пришлось менять планы. Четверо земляков хозяина дома, поглядывающие на гостей из укрытий, и блеск их ружей не оставили выбора. Пришлось принять приглашение трещавшего хозяина и пройти в дом. В одиночку и без оружия. Как можно, чтобы гость оружие за стол тащил?

Тем не менее говорить надо, тема важная. Так что, похвалив вино и еду, Дукакис перешел к делу. И прямо, не юля, поинтересовался, с какой такой стати Данелян у него клиентов переманивает.

– Ай, прости, дорогой! Прости! – прижал руки к сердцу Карен. – Только сам смотри, я тебя разве последнего куска хлеба лишаю? Или вынуждаю себе в убыток работать? Нет, дорогой! Совсем нет! Ты на оружии «три конца» минимум наворачиваешь. Так что, если сразу только половину получить, то все равно и вложенное вернешь, и на прибыль еще останется. А остальное – потом доберешь. И не просто так, а с процентами. Бери, как я, двадцать годовых. Прибыль-то можно и потом получить, верно я говорю?

– Тебе легко говорить! – Дукакис боднул хозяина дома тяжелым взглядом. – А только времена сейчас тревожные... Кто знает, что через год будет? Если турки поднажмут, а державы их поддержат, то не с кого те деньги спрашивать станет. А если державы не поддержат, то через год мир тут будет, и оружие никому не нужно... Кто мне тогда за него заплатит?

– Тоже верно говоришь. Только ведь твои слова и по-другому вывернуть можно. Сам говоришь, времена сейчас тяжелые, денег у людей нет. А всех, у кого деньги были, мы уже отоварили. Я говорил со многими нашими. И все на одно и то же жалуются – у людей денег не хватает. Так что выбор простой – или цены сбивать, или брать часть расписками.

– Мне деньги сейчас нужны! – упорствовал Дукакис.

– Ну, так в чем вопрос? Бери не расписками, а векселями. А векселя можно и сейчас продать. Не по номиналу, а дешевле... Но все равно деньги получишь.

– Кому продать, тебе, что ли?

– Найдутся люди... – неопределенно протянул армянин. – Можешь и сам поискать... Или хочешь, я тебе подскажу? Мне вот говорили, что у Гольдберга партнер сюда недельки через две-три приплывет. Так он как раз по векселям дока. С дисконтом – точно возьмет. Вот увидишь, Петр!

Дукакис прикинул про себя, что следующая партия у него придет дней через десять-двенадцать.

– Ну, если дисконт будет приемлемый, то можно и векселями брать, – согласился он.

– Вот и ладно! Вот и договорились! А теперь кушай давай!

– Да, кстати, Карен... Ты же по-русски понимаешь?

– И понимаю, и говорю, а что?

– Да тут мне сегодня в ночь такого любопытного пассажира из Америки привезли... Но он русский, я все понять не смог. Пока его к госпоже Беляевой в приют отвез. Может, ты поговорил бы с ним, выяснил, что да как, зачем он сюда приплыл...

Санкт-Петербург, Охтинская стрелка, 22 июня 2013 года, суббота, поздний вечер

«Ну вот! Я же говорил! И Карен появился! – порадовался своей догадливости Алексей. – Жаль, поспорить было не с кем!»

Чтение он продолжил еще в ресторане, затем в такси, а в своей квартирке даже не стал переодеваться. Просто скинул туфли в прихожей и прошел в «кухонную» часть своей однокомнатной квартиры-студии. Заварил чайку и снова взялся за тетрадку.

Как же несправедлив поначалу был он к предку. Сочинение Американца захватывало. Прежде всего этими яркими деталями. Критский мятеж был прописан пусть и скупо, но очень убедительно. Как будто он действительно был там и все видел своими глазами. Что странно, в официальной биографии Американца нет ни слова о его участии в критских событиях.

Крит, Ханья, казармы сотни Арслана Карабарса, 30 сентября 1896 года, среда, вечер

Искандер по прозвищу Чернильница, писарь Патриотической Сотни, торопливо строчил пером, иногда искоса поглядывая на нетерпеливо расхаживающего по комнате юзбаши. Тому явно не терпелось уйти к себе, да побыстрее, но, увы, каймакам¹² Паша-заде, командовавший всеми Патриотическими Сотнями Крита, очень уважал порядок. И не переставал напоминать подчиненным, что они не бандиты какие-нибудь, а почти такая же армия, организованная патриотами-добровольцами. И что цельность Османской империи зависит от того, как они борются с сепаратистами. Что именно они защищают тут закон и порядок, а значит, соблюдать этот самый закон должны начиная с себя. Ну и порядок, куда ж без него. А порядок предусматривал два еженедельных отчета. Обо всех событиях, произошедших в каждой Патриотической Сотне. И обязательно подписанных лично юзбаши, никаких там заместителей и дежурных. Вот и строчил Искандер очередной отчет. А Карабарс расхаживал рядом, с нетерпением ожидая, когда ж можно будет поставить заколючку в нужном месте.

Нет, честно говоря, Искандеру повезло. Ему-то, с его греческой фамилией и именем Александр, данными родите-

¹² Каумакам (каймака́м) – подполковник. (Звание устаревшее. Теперь вместо него Yarbay – Ярбай.)

лями при рождении, попасть в Сотню почти не светило. А светило, напротив, пристальное внимание этой самой Сотни. Не сепаратист ли? Не имеет ли родственников-сепаратистов?

Но только остальные в Сотне так, как он, чисто, гладко и быстро писать не умели. Поэтому еще в мае Мехмет-оглы Арслан, который тогда еще не был юзбаши и которого никто еще не называл Карабарсом, самолично сказал, что главное – это дух! И что если человек – настоящий патриот, то ему в Сотне самое место. Перекрестил Александра на турецкий лад в Искандера, прозвал Чернильницей, да и велел навести порядок с отчетами, которые требовал Паша-заде. Так что, можно сказать, повезло. И эта странная привычка начальства к порядку в отчетах помогла устроиться.

– Ты что, заснул, что ли?! – раздался над ухом рык Карабарса, и тяжелая затрещина обрушилась на затылок Чернильницы. – Не знаешь, что ли, куда тороплюсь? Всю Сотню без денег оставить хочешь? Так смотри, скажу парням, что у них из-за тебя неделю плов без мяса будет, света белого не взвидишь!

– Простите, простите! – залепетал писарь, не прекращая, однако, строчить. – Еще минутка буквально...

Да, опаздывать юзбаши не стоило. Это ведь каймакаму Паши-заде, обеспеченному пенсией и привыкшему к армейскому порядку, можно не задумываться о том, на какие средства бойцы этой самой Сотни кушают, шьют форму, покупа-

ют кофе и табак...

А у юзбаши, Искандер это знал точно, голова об этом с самого начала болела не переставая. Нет, оружие и патроны им, спасибо начальству, выделили из арсенала. Под казармы удалось занять так кстати «освободившийся» дом Попандупуло. И каймакам, хоть и поворчал, но подписал ходатайство об этом к городскому начальству.

А вот с едой, обувью и формой был полный швах. По умолчанию предполагалось, что Сотня действует в нерабочее время, а средства на пропитание зарабатывает на работе. Только вот они, патриоты, работают от зари до зари. И когда им ловить сепаратистов? По ночам, что ли? Так ночью тоже спать нужно.

В общем, поначалу выкручивались, собирая пожертвования... Но Сотня росла, потребности росли, а поток жертвований, напротив, сокращался. Что неудивительно. Кто победнее, те сразу отдали, что могли. И больше им отдать нечего. А кто побогаче, у тех дела в смутное время шли не очень. Вот и сокращали они суммы, отдаваемые патриотам.

Но сотник оказался молодцом, нашел нужных людей... Так что теперь часть «трофеев» удавалось продать за хорошие деньги. Да и родню мятежников – тоже. И что с того, что работорговлю в Османской империи, да и в большинстве окружающих стран давно запретили? Все равно спрос на симпатичных девочек и юных мальчишек не исчезал никогда. И прочие тоже ценились. Мужчинам всегда находи-

лось место на нелегальных рудниках, а женщины, что постарше, и не годились для продажи в гарем, могли их обихаживать.

В общем, дело пошло. Сотня искала «мятежников», а партнеры юзбаши обеспечивали неиссякаемый денежный «ручеек». Вот только встречаться им приходилось втайне, по ночам. Не те это контакты, которые можно всем вокруг показывать.

Тут Искандер кожей затылка ощутил, что вторая затрещина не за горами, и засуетился.

– Вот, готово, господин! Подпишите, пожалуйста!

– Нет уж, почитаю сначала! – проворчал сотник и действительно начал пробегать глазами отчет.

«Хм! А кто-то только что на встречу торопился! Грозился, что Сотня без денег из-за меня останется!» – съязвил про себя писарь, не забывая при этом сохранять самое преданное выражение лица.

Впрочем, чего язвить-то? Деньги Сотне действительно были нужны. И не только на названное, но и гульнуть иногда. А что? Патриоты, рискующие за страну жизнями, имеют полное право! Да и осведомителям заплатить... Патриотизм – это, конечно, хорошо... Только вот доносят патриоты на кого попало. На соседа, такую же голь, как они, например. Или на портового грузчика, что ногу отдал. А настоящему осведомителю, понимающему, за кого **реально** стоит приняться Сотне, надо платить. Из чего платить? Ну, из до-

ли добычи, конечно. Вернее, из стоимости конфискованного. И из военных трофеев. Война ведь идет самая настоящая. А трофеи брать никакой закон не запрещает. Только, тс-с-с-с, это не для ушей каймакама Паша-заде. Пусть себе спит спокойно со своим «священным законом и порядком, защищаемыми патриотами». Если он в это верит, то тем лучше. Надежнее прикроет юзбаши Карабарса и его «деловые операции».

– Ладно, сойдет! – прервал размышления Искандера голос Карабарса.

С этими словами юзбаши размашисто подписал отчет. Затем, подойдя к сейфу Сотни, открыл его, достал печать и, смочив ее чернилами, приложил к отчету.

– На, отдай посыльному, пусть порадует начальство!

Искандер схватил подписанный отчет и побежал в дежурку, где томился в ожидании посыльный.

«Эх, хоть бы сегодня в посыльных кто помладше был!» – тоскливо вздохнул он. Увы, несмотря на присвоенное ему звание онбаша¹³, старые бойцы Сотни Чернильницу не уважали. И могли не только самого послать, но и побить за то, что так долго ждать пришлось. Впрочем, обошлось. Боец был молодой, принятый только позавчера. Да и по возрасту суший мальчишка. Так что распоряжение он выслушал, молодцевато вытянувшись, и, козырнув, моментально умчался с отчетом.

¹³ Onbaşı (онбаші) – помощник старшины, ефрейтор, капрал.

«Эх, побольше бы таких!» – снова вздохнул Искандер. И поплелся на рабочее место. Надо убедиться, что юзбаши ушел, потом прибраться... Ну а потом можно и на ужин отправиться. Что-то ему обязательно оставили. Это бойцы его не уважали, а повара, которых он несколько раз покрывал, всегда придерживали для него сытный кусочек. А то и с собой что-нибудь заворачивали, так что было что родным передать.

Юзбаши, как ни странно, все еще был на месте. Его голос Чернильница расслышал еще шагов за пять до двери.

– Так, значит, говоришь, эта русская у себя раненого повстанца прячет? И накупила у тебя сегодня бинтов и мазей? Точно? А не может быть так, что это просто для кого-то из ее питомцев? Или для учителя?

При этих словах Искандер догадался, кто задержал сотника. А через пару ударов сердца, открыв дверь, убедился, что догадка его верна. У сотника был городской аптекарь, один из лучших осведомителей Сотни. По крайней мере, на места, где ухаживают за ранеными мятежниками, он указывал лучше всех.

Писарь тихо проскользнул в комнату и начал прибираться. Кушать уж очень хотелось, и ждать, пока аптекарь и Карабарс уйдут, не было никаких сил.

– О! Искандер! – обрадовался сотник, увидев писаря. – Ты слышал, что наш друг говорит? Кому-то в приюте этой русской, госпожи Беляевой (фамилию он выговорил с неко-

торым напряжением), понадобились бинты и мази. В общем, так, с утра сходишь туда. Да, лично. И разберешься. А то мало ли... Иностранка все же, начальник полиции у нее в приятелях. Да и начальство городское ею довольно. В общем, тут важно дров не наломать. Но если там действительно раненый мятежник, то ты его арестуешь. Ну а чтобы сил хватило, скажешь, я велел с тобой пятерых бойцов послать. И это, бери бойцов помладше, чтобы не своевольничали там. Хозяйку ни в коем случае не обижать! У нее и с кади дружба, и с остальным городским начальством, да и начальник полиции к ней давно неровно дышит.

И тихо проворчал сам себе под нос: «Да еще и Паша-заде, глядишь, нажалуется... Шуму будет – до небес!»

Из мемуаров Воронцова-Американца

«...Не знаю, как сложилась бы моя дальнейшая судьба, не загляни Карен в гости прямо на следующий день, с утра пораньше. Просто не представляю. Но, к счастью, все пошло именно так. Он заглянул, как-то договорился с Анной Валерьевной, и она допустила его ко мне. Надо сказать, что, несмотря на разницу в возрасте – а он был старше меня лет на пять, – обаял он меня моментально. Думаю, у него это получилось бы и на Родине, а уж тут, где любому говорящему по-русски радуешься почти как родному, тем более...»

Крит, неподалеку от Ханьи, 1 октября 1896 года, четверг, раннее утро

Судьба редко интересуется нашими желаниями. Абдулла, по прозвищу Янычар, пошел в Патриотическую Сотню потому, что хотел бить проклятых мятежников. А еще больше он хотел бить греков, подло проникающих на территорию Османской империи.

Когда в мае он услышал про резню, устроенную подлыми мятежниками несчастным турецким солдатам¹⁴, он тут же подал рапорт с просьбой перевести его служить на Крит. Но вместо этого получил предложение выйти досрочно в отставку и помочь в организации патриотических сил в борьбе с сепаратистами.

Янычар согласился. А кто б не согласился на его месте? Ведь ему обещали, что возможностей поквитаться с мятежниками будет немало. И что? А ничего! Назначили его заместителем к командиру учебного взвода. Половина личного состава – сосунки, вторая – немногим лучше, служат всего лишь несколько месяцев. Вот и мотается он с ними. Бегать тренирует, штыком колоть, оружие собирать-разбирать. Нянькой, короче, сделали. При молокососах и инвалидах. А реальных-то мятежников и в глаза не видел. Их Сотня все больше скрытых сепаратистов да шпионов ловит. И то –

¹⁴ По инициативе «Критского комитета», созданного христианами, 18 мая 1896 года в округе Вамос были окружены около полутора тысяч турецких солдат и блокированы в казармах. Только чудом туркам удалось спасти большую часть гарнизона. В ответ в мае же была устроена резня греческого населения.

без него. Эххх... Ходил он к сотнику, спрашивал, когда же... Предлагал создать группу из таких же, как он сам, умелых, битых, послуживших... Не убедил. Как говорится, идешь к начальству со своим мнением, а выходишь – с мнением начальства. Так и получилось. Приказал ему сотник молокососов обучить. Так, чтобы и стрелять могли, и по горам бегать, и на штыках биться, и с ножом... Вот тогда, мол, когда в Сотне все бойцами станут, они на врага и пойдут. Вот и приходится Янычару стараться, душу вкладывать, обучая. Одно только хорошо, деньги на форму какая-то добрая душа подкинула, да кормят последнее время хорошо. И казарма теперь нормальная, не то что вначале. И патронов не то чтобы вдосталь, но хоть на обучение хватает. А то поначалу вообще срам один был... Ну да, хорошо, что есть еще патриоты, которым и денег на такое не жалко.

А раз такие патриоты есть, то и империя, получается, не сгнила изнутри, есть что защищать!

Ну вот, теперь еще и Чернильница к ним зачем-то несется. Вот уж кого Абдулла не любил, так это его. Во-первых, сам он из греков. И мать – критянка, и родители ее. А то, что вид у него, как у османа, так мало ли что... Все равно воспитывался среди критян, а за теми глаз да глаз! Так и норовят предать! Или украсть чего!

А во-вторых, имя. Искандер он, как же... Александром был, им и остался. А в-третьих, и это самое главное, боец из него – как из дерьма пуля. Да и то, если дерьмо подмерзло,

то пуля, пожалуй, получше качеством будет... Тут Янычар улыбнулся в усы своей же нехитрой солдатской шутке. Только вот... Это недоразумение почему-то получило звание онбаши.

– Чего надо, Чернильница?!

Искандер подошел поближе и шепотом изложил суть приказа юзбаши. Абдулла подумал-подумал, да и решил:

– Вот что, Чернильница! Приказ сотника, разумеется, надо исполнить. Только мы его дополним немного. Я свой взвод следом за тобой поведу да встану неподалеку.

– Это зачем еще? – ревниво вскинулся тот.

– А затем, что мне молокососов учить надо. И если выяснится, что никакого раненого мятежника там нет, я их сразу в строй поставлю. А без этого они целый день прохлаждаться станут.

– А если он там все же есть? – нерешительно уточнил писарь.

– А вот если он там есть, то, может, и сообщники его будут рядом. И тогда тебе Аллаха благодарить надо, что рядом не пяток бестолочей будет, а целых три десятка. Да еще трое десятников, пороху понюхавших. Понял? – решительно отрубил Абдулла.

Искандер кивнул в обалдении. Про сообщников он как-то не подумал.

– Первая пятерка! Выйти из строя! – заорал Янычар. – Поступаете в распоряжение онбаши Искандера!

И шепотом добавил Чернильнице: – И чтобы до самого приюта бегом бежали! Не расслабляйся!

А когда Чернильница с пятеркой «молодых» скрылся за поворотом дороги, Янычар обратился с речью к оставшимся:

– Воины! Наши товарищи отправились арестовать раненого мятежника, укрываемого неверными. Их специально отправили впятером, чтобы враг, если что, соблазнился и попытался напасть. Но мы должны быть начеку и, если будет нужда, прийти товарищам на выручку. И разбить мятежников!

Прервавшись на пару мгновений, он орлиным взором оглядел своих бойцов, а потом трубным голосом продолжил:

– Все ясно? Тогда напра-во! Бего-о-ом... марш!

* * *

Янычар не мог видеть, но, когда его бойцы скрылись за поворотом, из-за камней поднялась невысокая фигурка Патрокла. Тот подумал немного и припустил в сторону города.

* * *

Под утро боль в ноге обострилась, стала дергающей. Поняв, что поспать не получится, я оделся, застелил постель,

привел себя в порядок и стал читать учебник Ивана Порфирьевича по органической химии. Читать было непросто, некоторые места оставались непонятными. Мешали не только лишние буквы, но и иной язык, а порой – и совершенно другая система обозначений. Но кроме этого заняться было решительно нечем. Нет, ребус получался увлекательным, но состояние у меня было не совсем подходящее для разгадывания.

Поэтому, когда дверь в тайник приоткрылась, я отвлекся с готовностью. Кроме Анны Валерьевны в мою комнатушку просочился полноватый невысокий тип. Да, именно просочился. Несмотря на то что вес его сильно превышал центнер, спустился он с потрясающей ловкостью. Неширокий люк явно не доставил ему никаких трудностей, и дыхание его не сбилось. Он стоял и доброжелательно смотрел на меня.

– Вот, Карен, – обратилась к нему госпожа Беляева, – это и есть тот самый гость, о котором вы спрашивали. Зовут его Юрий Воронцов, и прибыл он к нам из Северо-Американских Соединенных Штатов. Он там сдружился с Витюшей Суворовым, нашим воспитанником, вот по его просьбе господин Воронцов и заглянул к нам, весточку от Витюши передать. Про остальные обстоятельства я вам уже рассказывала.

Затем она повернулась ко мне и продолжила процедуру представления:

– Юрий, познакомьтесь. Это господин Данелян. Местный купец, из армян. Он – православный и хорошо говорит по-русски. Господин Данелян очень отзывчивый человек и регулярно помогал нам в решении различных проблем. В том числе и не самых простых. Думаю, когда вы хоть немного поправитесь, он охотно поможет вам в ваших поисках.

Затем она отступила к лестнице и продолжила:

– Пообщайтесь, господа, а мне пора. Скоро подъем, и дела зовут. Юрий, завтрак будет через полтора часа. Карен, дорогой, душевно вас прошу: как закончите тут, найдите меня.

С этими словами она торопливо оставила нас. Армянин же с минуту молча присматривался ко мне. А я боролся с дергающей болью и был совершенно не расположен к болтовне. Наконец, видимо, поняв, что сам я разговора не начну, он затарахтел:

– Ты как, дорогой, в порядке? Ну что молчишь, говори, Юра-джан, успокой мое сердце! В порядке, а? Или за доктором послать?

– Да в порядке я, в порядке! – проворчал я.

И вдруг улыбнулся ему. Не знаю, что такого было в его манере говорить, но я вдруг поймал себя на мысли, что отвечаю этому впервые увиденному человеку совершенно по-приятельски. Так, как общался бы со старым и добрым приятелем. Вот ведь, как бывает. Видишь человека впервые, а он тебе сразу по душе пришелся. Я улыбнулся и повторил:

– В порядке я, в полном порядке! – А потом продолжил: –

Только нога болит зверски, и в животе все от голода сводит. А завтрак, ты сам слышал, только через полтора часа...

Сказал и поймал себя на мысли, что утрированно копирую его манеру говорить. А это некоторых обижает. Чутье же твердило мне, что встречу с этим армянином судьба мне не просто так подарила, и обидеть его – последнее, что я хотел.

* * *

Поначалу, подслушав, что солдаты идут в поместье госпожи Беляевой за раненым мятежником, Патрокл планировал их обогнать и предупредить русского. Он не сомневался, что Чернильница с молодняком шли не торопясь и добрались бы до поместья не раньше чем за час. А он молодой, быстроногий, добежал бы и окольными тропами вдвое быстрее. И времени хватило бы, чтобы скрыться. Но приказ Янычара все изменил. Теперь весь взвод будет бежать быстро, и форы просто не хватит, чтобы русский, с его поврежденной ногой, успел скрыться. А что сделает Сотня, найдя в доме раненого, он тоже знал. Про случай с Попандопуло в Ханье все слышали. Повесили бы прямо на воротах. Да и госпоже Беляевой и ее воспитанникам тоже не поздоровилось бы, в этом Патрокл был глубоко убежден. Уж если эта Сотня чего и умеет, так это грабить да над беззащитными измываться. Им только повод дай...

И вот тут парень понял, к кому ему надо бежать за помощью. Дукакис, хоть об этом старались пореже вспоминать, был кузенком начальника полиции Ханьи. И Дукакис как-то раз обмолвился, что кузен его очень уж мечтает, чтобы эта русская за него замуж пошла. А раз так, то он ее и защитит. И не только ее. Русский ведь ничего такого не сделал пока, так что, если полиция разбираться станет, то и его не тронут. Как максимум оштрафуют за въезд не через порт и вышлют. А он снова вернется и продолжит борьбу, вот!

В итоге этих размышлений Патрокл помчался не в усадьбу к Беляевым, а в прямо противоположную сторону, в полицейское управление Ханьи.

* * *

Мюлязымы эввел¹⁵ Дениз-оглы, начальник полиции Ханьи, специально приходил на службу пораньше, чтобы спокойно, не торопясь выкурить трубочку, любясь видом порта и наслаждаясь ощущением, что жизнь удалась.

Нет, поначалу не все ладилось. Начать с того, что при рождении его звали Георгий Дукакис. И, как большинство греков, сохранивших веру отцов, на серьезную карьеру он рассчитывать не мог. Но в возрасте двух лет маленький Георгий лишился отца, а в три – обзавелся отчимом-турком. Мать

¹⁵ Mülâzımı evvel (читается как Мюлязымы эввель. Использовалось в то время, сейчас не используется) – старший лейтенант.

у него гордая была, приживалкой при родне мужа, сгнувшего в море вместе со своим кораблем, быть не захотела. И нашла себе мужа, способного обеспечить и ее, и сына. И даже веру для этого сменила... Ну, сына тоже обрезали.

Нет, разумеется, имя при принятии ислама менять вовсе не обязательно. Если имя красивое и не раздражает слуха мусульман, его можно и сохранить. Но как, скажите на милость, можно сохранить новообращенному мусульманину имя христианского апостола? Никак! Так что стал мальчик Мехмедом. А заодно, по воле матери, и фамилии прежней лишился... Дениз-оглы он теперь. В честь отчима.

Но нет худа без добра. Новое имя и особенно – новая вера весьма способствовали карьере. Звание мюлязымы эввель и должность начальника полиции он сумел получить еще пятнадцать лет назад, в день тридцатипятилетия. А повышение до юзбаши в таком небольшом городе, как Ханья, начальнику полиции светило только при совершенно невероятных заслугах. Так что достигнут, можно сказать, венец карьеры.

Хотя, если говорить между нами и тихим шепотом, то ничуть не в меньшей степени этому способствовало то, что Мехмед после смерти матери помирился с бывшей родней. И Петр Дукакис не раз давал кузену подсказки, позволяющие полиции поймать его конкурентов. Что позволяло время от времени радовать начальство успехами в борьбе с контрабандой. А в остальном... Ну, начальник полиции порто-

вого города, если он не полный ротозей, и в нищете прозябать не будет, верно ведь, уважаемые?

Так что единственное, чего ему не хватало для полного счастья, это чтобы одна конкретная русская забыла о том, что она руководит приютом, и вспомнила о том, что она женщина, и согласилась выйти за него замуж. Но тут, к огромному сожалению, подвижек за почти два десятка лет так и не наметилось. Госпожа Беляева была приветлива с ним, считала другом, но не более.

Тут в дверь постучали, и размышления были прерваны докладом:

– Господин начальник, тут к вам мальчонка просится. Говорит, что он посыльный от вашего кузена. Велите звать?

* * *

Патрокл был в отчаянии. Не так он себе все это представлял. Нет, до полицейского участка добежал он быстро, как молния. И к начальнику пробился почти мгновенно, мысль сказаться посыльным от Петра Дукакиса оказалась верной. И донести степень угрозы для усадьбы госпожи Беляевой удалось всего десятком фраз.

А вот дальше все затормозилось. Сначала Дениз-оглы велел дюжине полицейских вооружиться винтовками. Да, несмотря на тревожные времена, полиция, оказывается, оружие под рукой не держала, обходилась дубинками. По-

том для начальника полиции седлали коня. И лишь потом они побежали, но не слишком торопясь. Бежать было далеко, а полицейские были люди дородные, да половина из них – в возрасте, так что быстро бежать просто не могли.

В результате к усадьбе Беляевых они прибыли минут на сорок позже взвода Янычара.

* * *

Спокойное общение с этим забавным армянином длилось недолго. Анна Валерьевна вернулась через несколько минут. И была весьма встревожена.

– Господа, там турки пришли, эти, из Патриотической Сотни... Им кто-то донес, что у нас скрывается раненый. Что же делать, господа? Скрыть Юрия не получится, они тут все перероют. А если найдут, я боюсь, дело дойдет до самосуда. Как уже было с Попандопуло.

Кто такой Попандопуло, я не знал, но по тону понял, что ничем хорошим для него тот инцидент не кончился. Но что делать, я тоже не знал. Отстреливаться не получится, патроны после купания в море почти наверняка отсырели. А вот Карен не растерялся.

– А что, собственно говоря, случилось? Отчего вы так паникуете? – спросил он у нас обоих. – Ведь ничего противозаконного не произошло. Вы, Анна Валерьевна, давно видели, что здоровье Ивана Порфирьевича ухудшается и искали

ему замену. А ваш воспитанник, Виктор Суворов, за время пребывания в Соединенных Штатах в химии и физике поднаторел, вот и решил, что выручит вас, вернется сюда и преподавать станет. Только денег у него было мало, он и устроился пассажиром к капитану Костадису, а не поплыл первым классом...

Мы с Анной Валерьевной посмотрели на него, как на сумасшедшего. Карен, досадуя на нашу непонятливость, возвел глаза к потолку, тяжело вздохнул, а потом обратился ко мне:

– Ведь все так и было, верно, *господин Суворов?*

Я, сообразив, что он предлагает назваться Суворовым мне, тут же энергично закивал, хоть и удивился, откуда он знает про Костадиса. Но общая идея была понятна: если покалеченный незнакомец, появившийся таинственно, выглядит подозрительно, то возвращение воспитанника в родные пенаты вызовет гораздо меньше вопросов у властей.

Поэтому я уточнил идею Карена:

– Не совсем так. Я пролез к нему на судно зайцем. Денег не хватало. И отработывал билет, исполняя обязанности кочегара.

– Это не так уж и важно! – энергично жестикулируя, прервал меня Данелян. – Если вы, господин Суворов, пробрались зайцем, лишь бы выручить госпожу Беляеву и свою альма-матер, это вас еще больше красит!

– Подождите! – вмешалась Анна Валерьевна. – Но это же

не...

Тут она замолкла, что-то обдумала и, улыбнувшись своим мыслям, обратилась ко мне:

– Это и правда очень мило с твоей стороны, Витюша. Я тронута!

– Вот! – обрадованно продолжил Данелян. – А потом, уже возле Ханьи, наш гость почувствовал недомогание. Тепловой удар, так бывает с кочегарами. И поднялся на палубу освежиться. Верно?

– Ну, да, так и было... – как загипнотизированный подтвердил я.

– А на палубе вас совсем сморило, и вы выпали за борт. Никто на судне этого не заметил, оно удалялось, так что вам ничего не оставалось, как постараться достичь берега, к счастью, уже не очень далекого... Но все равно, пока выплыли, вы устали. А берега тут скалистые, прибой сильный. Вам пришлось скинуть куртку, и документы утонули вместе с ней... А когда вы выбирались на берег, повредили ногу. Кое-как переночевали, а с утра подались сюда, в усадьбу госпожи Беляевой, благо было рукой подать. Верно ведь?

Я всем видом выразил согласие со сказанным. Анна Валерьевна, подумав несколько мгновений, неуверенно кивнула.

– Вот! А в полицию вы вчера просто не успели сообщить. Замотались, бывает. Но планировали сделать это сегодня, ведь так?

– Да! – уже более уверенно подтвердила она. – В поли-

цию я планировала сообщить, причем именно сегодня. Я собиралась к господину Дениз-оглы, чтобы сообщить ему лично. Ведь ситуация непростая, Витюша мимо порта вернулся, да еще и все документы случайно утопил...

– Подождите! – прервал я их. – А если нашей истории все же не поверят?

– Тогда ее подтвердит сам капитан Костадис! – улыбнулся Карен. – Его судно позавчера отконвоировали в порт. А днем позже отпустили. Но он нашел попутный груз, так что он все еще в порту, под погрузкой стоит. Тебе везет, дорогой!

– Везет?! – завопил я. – Как бы не так! Я в судовом журнале записан как Воронцов.

– Ну и что? Бывает... Назвался человек чужим именем... Я думаю, если Анна Валерьевна попросит, начальник полиции просто «не заметит» этого разночтения.

* * *

Чернильницу не сразу пропустили к хозяйке усадьбы. Пришлось ждать, пока у них закончится молитва, затем – пока хозяйка усадьбы проследит, все ли готово к завтраку... Зато потом все разъяснилось очень быстро. Выслушав вопрос, она подтвердила наличие в усадьбе увечного преподавателя и даже провела к нему. На всякий случай писарь настоял, чтобы повязку сняли, и убедился, что там на самом деле ушиб и сильный вывих, а не боевое ранение.

Тем не менее драматическая история с падением за борт ему показалась сомнительной, и он стал настаивать, чтобы подозрительный пострадавший отправился бы вместе с ними к сотнику. Нет, что вы, не на допрос, конечно, ни в коем случае, только на беседу. Однако эта русская не согласилась.

– Нет уж! – решительно возразила она. – Во-первых, поврежденную ногу надо беречь. Так что Виктор останется здесь. А во-вторых, как я уже сказала, такими случаями должна заниматься полиция. Так что я сейчас же после завтрака направлюсь к начальнику полиции и приглашу его сюда. Вы же, если хотите, можете пока остаться здесь и дожидаться решения полиции.

Искандер растерялся. С одной стороны, юзбаши велел, если раненого найдут, вести его к себе, а с другой – не ссориться с хозяйкой. Предложение госпожи Беляевой вполне примиряло оба требования, но Янычар, оставшийся у входа в усадьбу, ни за что не допустит, чтобы молодые бойцы его взвода «прохлаждались».

К этому моменту Янычару наскучило ждать, и он, со свойственной воякам бесцеремонностью, вошел во двор усадьбы и заорал: «Чернильница! Искандер! Ну, долго тебя еще ждать?»

Искандер, проклиная про себя этого солдафона, выбежал к нему и стал торопливо объяснять суть возникшей проблемы.

– Какая еще проблема?! – в полный голос возмутился

Янычар. – Это у них проблема! Это они тут... – он вставил в свою речь целую вереницу непристойностей, – мятеж подняли, между прочим! Так что если мы говорим, что кто-то подозрителен и его надо допросить, то так и будет!

По ходу своего монолога он все больше распалялся и дальше перешел с просто громкой речи на крик:

– И не уруска мне будет рассказывать, что удобно, а что нет! Это наше дело, а не полиции! У нас приказ сотника! И мы не станем ждать, когда эти увальни из полиции соизволят сюда добраться!

Он так бушевал, что не обратил никакого внимания на шум за спиной.

– А вам не придется ждать, чавуш!¹⁶ – раздался из-за его спины холодный, как ледник, голос.

Из мемуаров Воронцова-Американца

«...Странно, но Анна Валерьевна как будто не понимала, чем вызвано столь оперативное прибытие начальника полиции. Хотя даже я, совершенно посторонний человек, видел, что он в нее влюблен. Влюблен давно и безнадежно...

Именно любовь к ней и сделала его столь покладистым, что он упорно делал вид, что не видит нестыковок в нашей наспех состряпанной легенде. Нет,

¹⁶ Çavuş (чавуш) – старшина.

напротив, он помог в ее совершенствовании. Снял показания с меня, с Анны Валерьевны, а потом – и с Костадиса. Затем обратился к кади с жалобой, что подчиненные каймакама Паша-заде уже совсем «берегов не видят» и скоро начнут, наверное, даже самых уважаемых граждан хватать без всякого на то повода.

Скандал вышел интенсивный, но тихий, сор из избы выносить не стали. Что именно Паша-заде высказал потом своим подчиненным, мне неизвестно, но на какое-то время всех нас оставили в покое.

Кроме того, начальник полиции помог решить и проблему с «восстановлением» документов. Вот так я оказался, хотя бы по документам, Виктором Суворовым, одним из первых воспитанников этого приюта. Найденышем, прошедшим здесь неплохое обучение, но сбежавшим... А теперь вернувшимся по приглашению госпожи Беляевой, чтобы преподавать химию и физику.

За какую-то услугу, по местным обычаям, вознаграждать Дениз-оглы должен был я. Причем, как это ни странно, обязательно в местной валюте и золотом. Никаких долларов, никаких бумажек. Более того, монеты должны быть полновесные, не потерянные.

Я сначала несколько оторопел от этого. Не все ли равно, как именно взятку всучить, если сумма соответствующая? Да и не может быть, чтобы все взятки тут брали и давали так чинно. Уж что-то, а коррупционность турок в Османской

империи даже мне была известна. Доводилось читать, что у них даже полуофициальная «табель» существовала, устанавливающая, кому, сколько и за что приличествует давать и брать. Но потом сообразил, что при такой строгой регламентации могли установить и особые случаи. И очень кстати вспомнил читанное где-то, что у гордых бриттов примерно в этот же период считалось неприличным покупать скакунов или драгоценности иначе как за гинеи, хотя для всего остального вполне годились обычные бумажные фунты. Похоже, коррупция в Османской империи относилась к столь же тонким материям и почиталась за «благородную».

В общем, я не стал особо в это вникать, просто по совету Анны Валерьевны попросил Карена обменять мне оговоренную сумму, то есть шестьдесят полновесных золотых лир, дюжину золотых пятерок. Когда я поинтересовался, почему именно дюжину, оказалось, что двенадцать – это «число совершенства». От такого обоснования у меня голова пошла кругом. Создавалось впечатление, что я не взятку за подлог даю, а вознаграждаю от имени Небес за добрый поступок.

Кстати, по текущему курсу выходило ни много ни мало двести семьдесят долларов. Это если менять «бумажки на бумажки». Но за «причуду» менять именно на полновесное золото с меня взяли ажио¹⁷

¹⁷ Ажио – финансовый термин, означающий прибавочную стоимость или излишек, который в некоторых случаях платят за монету, денежные знаки или государственные облигации сверх их номинальной цены.

в размере тридцатника. Короче, выложил я за все про все ровно триста баксов.

А после того как я еще и заказал пару костюмов, от моих трехсот семидесяти долларов, заначенных при отплытии из Штатов, осталось меньше десятка лир.

Карен же научил меня, как тут положено вручать «барашка в бумажке».

Понимая, что в чужой монастырь со своим уставом не суются, я выполнил все рекомендации в точности, выразив благодарность не только материально, но и словесно, поскольку Дениз-оглы весьма неплохо говорил по-английски...»

Крит, неподалеку от Ханьи, 4 октября 1896 года, воскресенье, вторая половина дня

Первый бонус от моей «легализации» состоял в том, что я смог переехать из тайника в комнаты, в которых проживал Иван Порфирьевич, прежний преподаватель. Все же просторные кабинет и спальня с большим окном, выходящим в сад, куда больше способствуют выздоровлению, чем тесная конурка в полуподвальном тайнике.

Но впереди маячил и второй бонус, куда более существенный. Я ведь, прощаясь с Тедом, новый проект придумал, для которого нужны были хорошая химическая и физическая лаборатории. Так вот, я их получал, считай, на халяву. Местные лаборатории позволяли сделать все, что я хотел. Вот только отлежусь для начала...

Но долго отлеживаться мне не дали. Уже на третий день

Анна Валерьевна настояла, чтобы я спустился и присутствовал на воскресной службе. И тут возникли затруднения. Нет, меня, как и многих моих сверстников, в детстве крестили. И в девяностые я разделил общую моду на «в общем верю, что что-то такое есть». Но церковных служб не посещал, молитв не знал, а в церквях бывал только как турист. Так что на службе я просто стоял, не решаясь даже перекрестить лба, чтобы не спалиться, сделав это как-то не так. Ну не помнил я, как точно креститься надо, справа налево или наоборот? Тут, конечно, не Средние века, в инквизицию не сдадут, но мало ли что...¹⁸

Так что к исповеди и причастию, в отличие от всех остальных, меня не допустили. А вот беседа со священником, напротив, состоялась сразу же по окончании богослужения. Говорили мы наедине. Я повинился, что в церкви не был давно, молитвы позабыл, а в последний год, живя в Америке, ходил на службы к протестантам.

Впрочем, громов и молний не последовало. Поскольку я выразил искреннее сожаление о содеянном и желание все исправить, дело ограничилось наставлениями о том, что, как и в какие сроки необходимо будет проделать, чтобы, как выразился отец Михаил, «снова привить меня к лозе истинной Церкви».

¹⁸ Инквизиция – это «гвоздь от другой стенки», от католической... Но, во-первых, и в православии неумение перекреститься и незнание основных молитв и «Символа веры» вызвало бы недоумение. А во-вторых, Воронцов на тот момент был настолько «не в теме», что даже это путал.

Но и после этого я не был предоставлен сам себе. Меня еще раз, на этот раз официально, представили всем преподавателям приюта, а затем и старшим воспитанникам, которым мне предстояло читать химию и физику. К некоторому моему удивлению, этим предметам обучали только мальчиков. Причем, поскольку воспитанников в приюте было всего несколько десятков, мне досталось всего пятеро учеников.

Когда мы простились с ними, я пошутил:

– Не слишком-то много работы. Велико ли будет жалованье?

– Не волнуйтесь! – в тон мне ответила Анна Валерьевна. – Свои затраты вы вернете скоро, всего года за три!

М-да-а... Если неполные четыре сотни долларов преподавателю в приюте реально скопить лишь за несколько лет, жалованье явно будет меньше того, к которому я привык. С одной стороны, это и не страшно, задерживаться слишком долго я и не планировал. А с другой стороны, когда я решу все свои вопросы, с оставшейся у меня суммой отсюда не особенно и уплывешь. Нет, на билет в третий класс хватит, а дальше-то что? Как на месте устраиваться? Впрочем, это решим потом. Все равно я тут застрял на некоторое время.

Так что стоит подготовиться к проведению занятий. Ведь пока что мне именно за это и платят, а также кормят.

Санкт-Петербург, 22 июня 2013 года, суббота, незадолго

до полуночи

Алексей с трудом оторвался от тетрадки. Было совершенно ясно, что и в эту ночь читать он будет долго. Тем более что в белые ночи, стоящие в Питере в эту пору, засидеться выходит проще простого, так что стоило подготовиться.

Он отошел в «спальную» часть своей студии, переоделся в домашнюю одежду, потом все-таки заварил себе большую порцию крепчайшего кофе и щедро плеснул туда «Карельского бальзама». К этому нехитрому напитку у всех в их семье была традиционная слабость. Именно в виде добавки в кофе он шел идеально. Получившийся напиток не просто поднимал давление, но и реально добавлял организму сил, добавлял бодрости, снимал усталость, успокаивал душевное волнение... Как раз то, что требовалось ему в эту ночь.

Так что там дальше у предка? Похоже, несмотря на отсутствие об этом сведений в официальной биографии (в том числе и среди внутрисемейных баек и преданий), он ухитрился в том восстании поучаствовать. Иначе с чего бы об этом умалчивать?

Крит, Ханья, 5 октября 1896 года, понедельник

– Взво-о-од! Слушай мою команду! В колонну по два... Становись! Бе-гом... Марш!

Учебный взвод рысцей потрусил на занятия. А Янычар привычно то отставал, подбадривая отстающих, то забегал вперед... Со стороны казалось, что для него этот темп, за-

ставляющий молодых бойцов уже на десятой минуте потеть и тяжело дышать, был легкой прогулкой. Но на душе у Абдуллы было тяжело. Чернильница, этот сын блудницы и шакала, едва сотник начал орать на них, тут же с невероятной легкостью «сдал» его. Мол, сам он хотел только дождаться прибытия начальника полиции, а конфликт с хозяйкой поместья устроил он, Янычар, и никто иной.

Сотник сначала, для порядка, уточнил, верно ли Чернильница излагает факты? А когда Абдулла угрюмо подтвердил, что, по существу, все верно, отослал писаря и обрушился на чавуша всей тяжестью своего гнева.

Бушевал он долго. Но когда поостыл, Абдулла тем не менее начал упрямо гнуть свою линию. Мол, какой же это преподаватель? Одежда вся в отметилах угля, так и не отстирана, местами разорвана и неаккуратно зашита. Бродяга это, вот и пришлось ему кочегаром поработать. Опять же, если его как преподавателя пригласили, почему в той камерке поселили? Явный же тайник! А комнаты свободные были. Хоть та, в которую его сейчас переселили. Почему не сразу? А потому, что прятать хотели, в этом он, Абдулла, уверен. А зачем увечно прятать? Да только одна может быть причина – в восстании он замешан.

«Или в контрабанде!» – хмуро уточнил Карабарс.

Или так. Иначе с чего бы этому армянину там оказаться? К человеку с покалеченной ногой логичнее было доктора позвать. А к человеку без документов – кого-нибудь из поли-

ции. Но эти, из приюта, позвали сомнительного типа, то ли торговца, то ли контрабандиста... Да хоть бы и контрабанда. Все равно известно, что сейчас на остров везут все эти гяуры-контрабандисты. Оружие, боеприпасы и медикаменты! И все для подлых мятежников, честным людям бояться нечего!

– Я уверен, если бы мы этого русского утащили да допросили как следует, он бы во всем признался! – закончил Янычар.

– Если бы! – прорычал, снова распаляясь, сотник. – В том-то и дело, Янычар, что оправдать нас мог только успех. А сейчас ты ничего не доказал, нас выставили людьми, которые не чтут законов и нападают на уважаемых людей, да еще и запретили к той усадьбе приближаться. И виноват в этом ты. Ты, и никто другой. Так что думай теперь тоже ты! Надо найти, как оправдаться. Не перед полицией, про ее начальника все ясно, он поверит любой байке, которую сочинит эта русская. Нам перед кади оправдаться надо. И перед Паша-заде. И это... в усадьбу не суйся. Кади запретил. И каймакам – тоже. Понял?

– Понял! – подтянувшись, выдохнул Янычар.

– Нет, вижу, не понял. Твое дело не следствием заниматься. Горяч ты больно да прямолинеен. Так что ты подбери людей, потом подожди немного, пока этот русский поправится и из усадьбы выходить начнет, а потом попробуй его тихо как-нибудь изъять, да так тихо, чтобы свидетелей вообще

не было. Чтобы никто не знал, куда он делся. И допрашивать без меня не смей! Нам надо не просто чтобы он признался, что к мятежникам плыл, но чтобы еще и улики нашлись.

«А там мы и подумаем, что нам полезнее: «ручной» начальник полиции или новый», – решил про себя юзбаши.

Из мемуаров Воронцова-Американца

«...Как ни странно, вести занятия мне понравилось. Ребятишки тут были смышленные, а мой предшественник их неплохо поднатаскал. Причем не только в теории, но и в практике. Да и на низкую занятость я зря сетовал. Помимо трех пар в неделю по химии, мне досталось еще пять пар по физике¹⁹ да плюс к тому подготовка семинаров и практикумов, да проверка домашних заданий... Нет, времени оставалось не так уж много, а заняться было чем. Прежде всего надо было заполнить «черную дыру», зиявшую у меня в области религии. Вернее, не любой религии, это тема слишком всеобъемлющая, а того, что знал любой православный этого времени. «Символ веры», основные молитвы, церковные праздники, посты, да мало ли что еще... Опять же, основы турецкого и греческого, без чего выдавать себя

¹⁹ Пара – два академических часа, т. е. полтора обычных часа. В вузах принята именно такая продолжительность одного занятия. А поскольку предшественник Воронцова был университетским преподавателем, ему дали учить так, как он привык.

за жившего на Крите я не смог бы никак. Денежная система, политика, быт, новейшая история, законы... Голова пухла, если честно.

А ведь было еще и главное дело, то, на которое я, отплывая из Нью-Йорка, намекал Теду Джонсону. Со времени учебы в МГУ я помнил методики синтеза белого стрептоцида и аспирина. И, надо сказать, стрептоцид неплохо себя показал, но именно что – неплохо. Богатства на нем не заработаешь. Вот-вот на нас обратят внимание акулы от фармакологии. И выбор у нас будет простым: либо мы продаем все права им за сколько-то там тысяч долларов, либо они просто отберут себе все. И никакой патент нам не поможет, потому что дело даже не в продажности судей и хитроумии юристов больших корпораций. Нет, разумеется, и это есть, куда ж без него? Но основная причина того, что изобретатели и первооткрыватели имеют в самом лучшем случае хлеб с маслом, а богатеют на их изобретениях те, кто и без того богат, кроется в другом. В чем именно? Да как раз в том, что «они и без того богаты». Именно наличие денег и связей помогает сломить недоверие покупателя к новому продукту и защититься от всех нападков – как от тех, кто торговал на этом секторе до тебя, так и от тех, кто пытается откусить кусочек от твоего пирога.

Но прежде чем защищать занятое, надо сделать *продукт*. Нечто не просто эффективное, но и привлекательное для покупателя, как новая игрушка для ребенка.

Поэтому я еще в Нью-Йорке решил, что продавать буду не аспирин, а шоу вокруг него. А для этого надо было тщательно отработать технологический процесс. Потому что в шоу важна каждая мелочь.

К счастью, лаборатория, созданная Иваном Порфирьевичем и перешедшая в мое распоряжение, была выше всяких похвал: разнообразный набор химической посуды и реактивов, небольшой электрический генератор с приводом от двигателя внутреннего сгорания и даже электротигель.

План работ, который я себе составил, был весьма насыщенным и учитывал возможности совмещения. Например, во время пауз в ходе эксперимента я зубрил греческие и турецкие выражения. Ну, просто обидно было терять время.

Анна Валерьевна, поражаясь взятому мной темпу, то и дело просила меня поберечься. Причем, как мне кажется, больше она волновалась не за поврежденную ногу, а за сохранность моего рассудка. Насчет головы я ее успокаивал, мол, и не такие нагрузки выносила, а вот нога... Та иногда побаливала.

К счастью, нога начала проходить уже где-то через недели полторы-две, иначе я бы совсем взвыл. Кроме того, я планировал было поупражняться с револьверами, но... Усадьба маленькая, всюду дети, неудобно. К тому же стрельба могла привлечь внимание и вызвать ненужные вопросы. Так что я с недельку упражнялся в своих комнатах, «всухую», без выстрела. На вторую неделю, почувствовав, что меня просто

«ломает» без реальной стрельбы, осмотрел свои боеприпасы. Увы, как я и опасался, они оказались подмочены. Пришлось просить Анну Валерьевну, чтобы она пригласила в гости Карена.

Ну а Данеляна, оставшись наедине, я прямо спросил, может ли он достать нужные мне патроны. Немного, сотню-другую. Карен заверил меня, что через недельку-полторы может и достать. А потом невинным голосом уточнил, готов ли я платить по два куруша за патрон. Я от таких цен изумился невероятно. Это же было вшестеро дороже, чем в Нью-Йорке. Но потом, подумав, просто увеличил заказ до трех сотен. Мало ли... Похоже, такие патроны тут редкость, а тренироваться надо. Тут, считай, настоящая война идет, и навык стрельбы надо поддерживать. А лучше даже – развивать...»

Крит, порт Ханьи, 16 октября 1896 года, пятница, вечер

Погода, что называется, «шептала»: море спокойное, отливает лазурью, ветерок слабенький, небеса чистые, без единого облачка, а солнышко уже не палит. Самое время стоять на палубе, любоваться окружающими видами да славить Творца за то, как прекрасно он поработал. Тем более что до шаббата оставались считанные часы, а чем еще заняться в шаббат еврею, как не славить Господа? Перес Рабинович, по прозвищу Полтора жида, и предавался этому занятию. В смысле, стоял на палубе и смотрел на окрестности. Но вот благодарности к Всевышнему в его душе сейчас было не сис-

кать! Чертовы немцы! Поймали их милях в десяти от порта и, хоть было совершенно очевидно, что они идут именно в порт, зачем-то устроили обыск. Притом настолько тщательный, что закончили только перед самым заходом солнца. В результате в Ханью Рабинович попадет теперь только в шаббат²⁰.

Именно невозможность заняться делами и угнетала Рабиновича. Нет, сам Перес был не слишком религиозен, и у себя, в одесской синагоге, он спокойно мог бы поговорить о делах. Но с Яном Гольдбергом, своим здешним компаньоном, старался соблюдать все обычаи. У того был пунктик, перенятый от протестантов, мол, не стоит дразнить Всевышнего, иначе удачи в делах не будет. Полтора жида усмехнулся. Ха! Да если бы он упускал хоть одну возможность поднять копеечку, он давно бы уже разорился. Сидел бы, как последний босяк, у синагоги и просил милостыню.

Впрочем, одернул он сам себя, к пунктикам партнеров стоит подходить с пониманием. В конце концов, даже его великий дедушка Моше, прозванный одесскими евреями Грек, тоже имел свои приметы. Как он там говорил? «С Воронцовым не борись»? Перес усмехнулся. Так нет уже в Одессе Воронцова, лет сорок как умер. В Одессе даже поговорку про это сложили: «До Бога высоко, до царя далеко, а Ворон-

²⁰ Шаббат – седьмой день недели, суббота. В этот день иудеям предписывается воздержаться от всякой работы. Отказ евреев от работы в шаббат является, согласно Пятикнижию, напоминанием о седьмом дне творения и провозглашением Бога творцом мира.

цов умер!»

Да и сын Воронцова тоже умер. Род чуть не прервался. Некому теперь бороться с внуком Моше. Их род посильнее оказался. Хоть и не аристократы они совсем. Ну, ничего, у менял, банкиров, ростовщиков да финансистов своя сила есть. Не меньше, чем у иного графа или князя.

И деда он, Перес, уважает, вместе со всеми его слабостями. Как вся Одесса его уважала. Уважала и побаивалась. Ну, может, и не вся, самокритично поправил себя Перес, но те, кто знал, где и как крутятся деньги, те уважали. Дедушка Моше был «банкиром» греческой общины Одессы. И именно он придумал деньги, уплаченные грекам императором России за апельсины, разместить в городском бюджете в рост²¹. Да так ловко разместил, что греческая община даже проценты прожить не успевала. И к какому-то моменту по наущению дедушки Моше греки потребовали, чтобы им в погашение задолженности передали бы контрольный пакет акций только что созданной паровой компании. Знающие люди дедушку за это сильно уважали. Еще бы! Не на простого человека замахнулся. На полного генерала, да в придачу еще и генерал-губернатора.

Вот только кончилось это печально. Воронцов велел сум-

²¹ Реальная история. Император не стал финансировать греков-беженцев, поднимавших восстание против османов. Но вместо этого уплатил за поставленные ими к его двору три тысячи апельсинов десять тысяч рублей, совершенно невозможную сумму по тем временам. Эти деньги греки разместили в бюджете Одессы в долг под очень выгодный процент.

му и набежавшие проценты пересчитать в апельсины, причем по той цене, по которой их император в свое время у греков купил. И выплатить сумму с процентами апельсинами же. А что апельсины с тех пор подешевели в сотню с лишним раз, так это, мол, его не беспокоит. И пожаловаться на произвол некому. Воронцов в Новороссии был высшей властью, обжаловать его решение мог только сам император, а у нового императора греки благоволением не пользовались. Греки деда тогда чуть не пришибли. И доверие их, как и право вести их финансы, Моше Рабинович восстанавливал потом долго, по крупиночке. Но – восстановил! Потому как был велик. И внуку дело передал. Так что теперь в жандармском управлении Одессы человек, взявший у Рабиновича займы, назывался «греком»!

За этими размышлениями Рабинович и не заметил, как они пристали. Ян, как и ожидалось, встретил их в порту. Но – вот сюрприз – не один! Рядом с ним стояла молоденькая и симпатичная евреечка. Родственницей она Яну быть не могла, все его родственники жили на континенте. Женой она быть тоже не могла, Гольдберг еще в прошлом году овдовел, а про свадьбу компаньону написал бы.

«Вот это новости!» – подумал Полтора жида и оглянулся на плывшую с ним Софочку. Собственно говоря, именно ради того, чтобы породниться с Гольдбергом, он и захватил с собой троюродную племянницу. Дело, которым Рабинович собирался заняться на Крите, никому, кроме родственника,

не доверишь.

Теперь же, похоже, все планы Рабиновича выдать Софочку за Гольдберга и тем укрепить связи с партнером были под угрозой.

«С самого начала не задалась поездка! – философски вздохнул Перес. – Впрочем, нет худа без добра! О делах мы говорить не можем, а вот про матримониальные планы – вполне!»

Может, Яну и нравится эта девушка, но отступать Рабинович был не намерен. Дело, с которым он приехал, сулило большие деньги, но было очень непростым, и доверять такое он мог только родственнику. Тут уж никуда не денешься, чем прибыльнее дело, в которое ты привлекаешь другого человека, тем важнее найти правильный баланс доверия и контроля.

Неподалеку от Балтимора, 17 октября 1896 года, суббота

– Понимаете, мистер Мэйсон, – вдохновенно вещал Фредди Морган своему тестю, – одна из ключевых проблем бизнеса – доверие и контроль. Именно вопросы доверия и контроля ограничивают рост бизнеса. Если ты доверился не тому человеку, ты теряешь деньги. И не так уж важно, украд он их у тебя, просто бездарно растратил или вынудил непосредственно вас тратить эти деньги, чтобы решить созданные им проблемы. А если вы, наоборот, мало доверяете сво-

им людям, то это снижает вероятность потерь, но расходует самый необратимый ресурс – ваше время. Поэтому любой расширяющийся бизнес всегда балансирует на лезвии ножа, ища оптимальное соотношение доверия и контроля.

Элайя одобрительно кивнул. Нет, в другое время он бы попросил Фреда не философствовать, а перейти сразу к делу. Но сейчас была суббота, торопиться некуда, а то, что зять пытается расти, как бизнесмен, не могло не радовать. Так что пусть говорит, как умеет.

– Кроме того, если вы хотите наращивать свой бизнес быстрыми темпами, вы непременно упретесь в проблему денег. Как бы много их у вас ни было, рано или поздно начинает не хватать. А банки весьма консервативны и объемы кредитов наращивают неохотно. К тому же, если перебрать с кредитами, становишься уязвим для кредитора даже в случае успешного ведения дел. Он может организовать трудности и просто отобрать у тебя бизнес.

Уильям Мэйсон, задумчиво куривший у окна, с легким беспокойством глянул на Элайю. Племянник славился нетерпимостью к тем, кто тратил его время на изложение всем известных истин. Однако сейчас глава треста был на удивление спокоен и терпелив. Похоже, он готов был терпеть часами, лишь бы убедиться, что зять способен хоть на что-то большее, чем тупо голосовать, как скажут, и делать ему внуков. Так что дядя Билл не стал вмешиваться. Пусть внучок излагает, как умеет. Краткости он поучится потом.

– Однако и достоинств у крупного бизнеса немало! – продолжал вещать Фред. – На оптовые поставки сырья и комплектующих дают цены пониже, удешевляют страховки, владельцам такого бизнеса проще лоббировать свои интересы во властных структурах, бороться с забастовками и профсоюзами... Да и конкурентов с рынка вытеснить тоже проще.

– Фредди, мальчик мой, – ласково прервал его тесть, – не забывай, что наш трест был создан, когда ты еще не родился. И как раз по этим причинам. И я, и твой дедушка прекрасно знаем выгоды от укрупнения бизнеса, так что давай ближе к делу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.